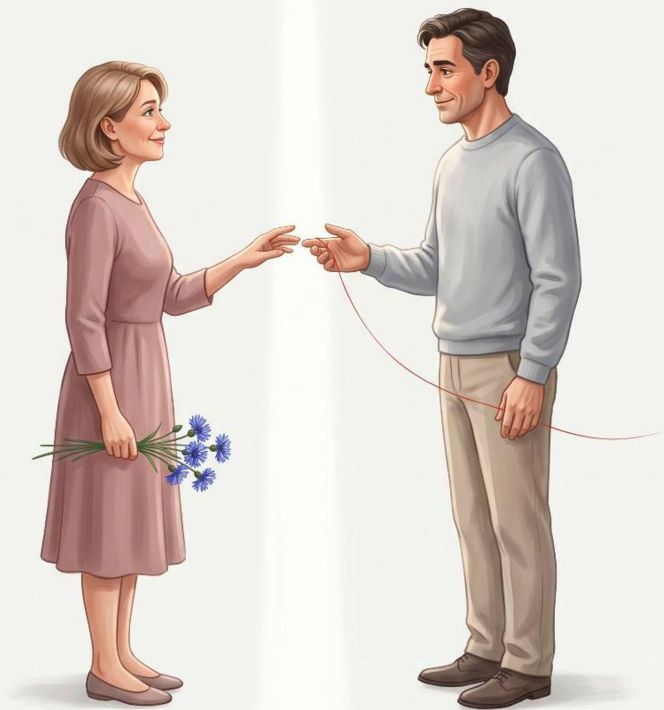

Татьяна Коропец

Первая любовь со второй попытки

Сказать «да» никогда не поздно

18+

Татьяна Коропец

Первая любовь со второй попытки

<https://litres.ru/74558813>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она помнила его руки, его голос, его обещания. Он помнил её глаза, её смех и ее голос.

Они были первыми друг у друга. Но жизнь развела их по разным берегам – у неё была другая семья, дети, потеря мужа. У него – борьба за жизнь сына, море и тишина.

Тридцать лет. Они не искали встреч. Но однажды судьба дала им второй шанс – не для того, чтобы вернуться в прошлое, а чтобы начать сначала.

«Первая любовь со второй попытки» – история о том, как важно уметь прощать. Себя, других, время. И о том, что счастье не всегда приходит громко – иногда оно тихо стучится в дверь, когда ты уже не ждёшь.

Содержание

Глава 1. Всё, что хотелось бы забыть.	4
Глава 2. Первая любовь.	9
Глава 3. Знаки судьбы.	17
Глава 4. Разбитое сердце.	32
Глава 5. Чужой мой муж.	48
Глава 6. Когда жизнь продолжается.	58
Глава 7. Повороты судьбы.	63
Глава 8. Наваждение.	73
Глава 9. Чужое платье	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Татьяна Коропец

Первая любовь со второй попытки

Глава 1. Всё, что хотелось бы забыть.

Сегодня мой день рождения. За окном дождь — тот самый, стучащий в окно, сильный и страшный, как тогда. Стоит ему усилиться — и меня накрывает память...

...Дождь хлестал по стеклу, словно пытался ворваться внутрь и забрать меня с собой. В ту ночь мне казалось именно так. Было страшно, мне было всего восемь или девять лет, но я молилась — просила дождь, чтобы он усыпил отца и умирил его, чтобы весь ужас в доме поскорее закончился.

Отец опять был пьян. Это был совсем другой человек — чужой, тяжёлый и пугающий. Я лежала под одеялом, боясь дышать. Слёзы жгли щёки, стекали на подушку, и она становилась мокрой. Я боялась пошевелиться, чтобы не привлечь его внимания.

Дождь барабанил с новой силой, и сквозь шум капель мне слышалось: «Не бойся, я здесь. Спи, закрывай глазки. А

утром всё будет по-другому».

Я не помню, как уснула.

— Оленька, вставай, в школу пора, — разбудил меня тихий, нежный голос. Мама.

Я потянулась в тёплой постели. Вылезать не хотелось: в комнате было прохладно, но от радиаторов шёл живой, уютный жар. Папа затопил котёл, видно, совсем недавно.

Я накинула халат и прошла на кухню. Папа сидел за столом, уткнувшись в кружку с чаем. Перед ним стояла нетронутая гречка.

— Всем привет, — тихо сказала я, заглядывая внутрь.

Папа вздрогнул и медленно поднял глаза. Лицо его было серым, мятым. Он посмотрел на меня, потом быстро отвёл взгляд и скривил губы в какое-то жалкое подобие улыбки.

— Здорово, Оль, — хрипло выдавил он. — Садись, ешь.

В его голосе не было вчерашней тяжести, но было что-то ещё хуже — виноватая, собачья тоска. Я знала этот взгляд. Сейчас он будет молчать весь день, а вечером, когда мы с братом уснём, начнёт шептать маме: «Прости, Ань... я больше не буду, я не помню». Он всегда просил прощения у неё, словно нас, детей, не существовало. Или он правда думал, что мы спим и ничего не слышим. Не знаю.

Я быстро умылась, съела гречку с маслом и запила горячим чаем. Мама хлопотала по кухне, стараясь быть улыбочивой, делая вид, что ночью она не плакала, чтобы нас, детей, не расстраивать. Мама не была писаной красавицей, но в ней

было что-то такое, от чего становилось тепло. Она всегда находила повод пошутить, поцелует, обнимет за плечи — и жизнь продолжается.

И жизнь-то была хорошая. Интересная. Со своими устоями и традициями.

Я до сих пор помню, как мы всей семьёй лепили пельмени. У родителей было хозяйство, и поздней осенью, с первыми морозами, мы кололи поросёнка. Для нас это был большой праздник. Приходили родственники, мужики помогали отцу, а мама уже колдовала над свежиной на кухне. Этот запах жареного мяса и морозного воздуха я помню до сих пор. Как же нам там всем было хорошо.

А ещё мы все обожали Новый год. Мы с мамой украшали дом, клеили гирлянды из цветной бумаги, а на потолок вешали «новогодний дождь» на ватку, смоченную в сахарном сиропе — чтобы он блестел и прилипал. А ёлка! Папа всегда приносил большую, замороженную сосну. Клад её в зале на пол, и она начинала таять. Шишки щёлкали, распускаясь в тепле, и по дому разливался тот самый, ни с чем не сравнимый запах Нового года. А ещё мама шила нам с братом новогодние костюмы: я была берёзкой, снежинкой, ночкой. К нам на праздник приходили гости, или мы ходили к родственникам. Было весело.

А потом...

...Кто в доме хозяин? Где моя бутылка?

Опять. Сердце начинало так биться, что казалось — оно

сейчас выскочит из груди. И если в соседней комнате он на минуту замолкал, мне казалось, что стук моего сердца слишком громкий и может его разбудить. Тогда всё повторится.

Я на цыпочках шла в мамину комнату. Она лежала в темноте и молчала.

— Не бойся, Олюш, — шептала она из темноты. — Он сейчас уснёт. Иди, ложись.

— Мама, пойдём со мной, мне страшно.

— Ну, хорошо, пойдём.

Лунный свет освещал комнату. Луна в ту ночь была такая большая и яркая, словно бумажный абажур. Она будто помогала мне искать маму. Мы ложились в кровать, она обнимала меня, и я старалась дышать совсем тихо, чтобы не разбудить отца. Мы засыпали.

Дождь за окном всё так же барабанит в стекло, и я возвращаюсь в сегодняшний день. Сорок девять лет — а память живая, словно это было вчера. Странно устроена наша память: всё, что хотелось бы забыть, помнится с пугающей ясностью. Зачем?

Я люблю своих родителей. Я давно поняла, что алкоголизм — это неизлечимая болезнь, прогрессирующая с каждым годом. Родителей не выбирают, но живут с благодарностью за свою жизнь. Я давно всё поняла, простила и приняла. В прошлом году они отметили золотую свадьбу. Маме уже семьдесят один, а папе семьдесят пять. Вот такая любовь. Вот такая судьба.

А сегодня они придут ко мне на день рождения. Мама позвонила утром, голос был тёплый, как всегда: «Оленька, мы к вечеру будем, пирог испеку». И я жду их, и сердце почему-то сжимается — не от страха, а от нежности и какой-то тихой грусти.

А дождь всё стучит, и память возвращается...

Глава 2. Первая любовь.

Мой первый муж был одноклассником. Его звали Митя, и я влюбилась в него так, как умеют любить только в восемнадцать — на всю жизнь, без оглядки, без страха. Он был самым красивым парнем в школе. Да и я, надо сказать, была ничем собой. Доходило до того, что сразу трое провожали меня домой и несли портфель по очереди. Мне самой сейчас смешно вспоминать.

Я не помню точно, когда пришла любовь. Но я в какой-то момент поняла, что любовь — это когда ты просыпаешься с улыбкой и быстро бежишь в школу, чтобы увидеть его. Что любовь — это когда ты сидишь за первой партой, а слышишь, как бьётся его сердце за последней. Что любовь — это молча держать его за руку или смотреть в глаза. Так я влюбилась в Митю, так накрыло с головой, что и дышать было трудно.

Я была лидером. Старостой, организатором всех походов, сборов макулатуры и металлолома. Наш класс всегда был в передовиках. Мы прямо ходили по дворам и выпрашивали старые газеты — люди ведь в те времена выписывали много газет и журналов: «Пионерку», «Работницу», «Огонёк», «Мурзилку». Я была впереди всех и громче всех.

А Митя был в меня влюблён, но стеснялся. До поры до времени.

Он приходил ко мне каждый вечер, и мы гуляли. За ручку.

Я до сих пор помню наш первый поцелуй. Закружилась голова, я обнимала его за талию, он — за плечи, и всё остальное было не важно. Я любила его. Все четыре года в школе, и потом много лет после.

На выпускном в школе мы танцевали и не отходили друг от друга. Все знали про наши отношения, а мы и не скрывали, тем более теперь, когда впереди взрослая самостоятельная жизнь.

А однажды летним вечером, после окончания школы, случилось... То самое. Это был летний, удивительно тёплый вечер, перешедший в ночь. Нам было по восемнадцать — взрослые же, к тому же влюблённые. Мы сами не поняли, как это произошло. Может, потому что любили. А может, это было похоже на какой-то секретный эксперимент: прикоснуться к чему-то важному, о чём все молчат. У него были такие нежные губы — неповторимые и, как оказалось, незабываемые. Мне не было страшно. Мне было хорошо и спокойно.

А через месяц я поняла, что беременна.

Вот это был шок. Я не могла сказать об этом никому. Как это: такая хорошая девочка, правильная — и вдруг. Времена были другие, и мы были другими. Мы просто летели друг к другу, словно магнитом тянуло, не думая о последствиях. Глупые. Молодые. Влюблённые.

Мы стояли у старого школьного забора.

— Митя... — я начала, и голос предательски дрогнул. — У меня задержка. Уже две недели.

Митя перестал жевать травинку. Он посмотрел на меня, и я увидела, как в его глазах, ещё секунду назад сиявших, что-то погасло. Радость схлынула, оставив после себя панику.

— Задержка? — переспросил он, словно не расслышав.
— Ты... ты уверена?

— Митя, я боюсь.

Он резко отвернулся и со всей силы пнул ногой консервную банку. Она с грохотом покатилась по асфальту.

— Нужно что-то делать, — глухо сказал он, глядя в землю.

— Что? — сердце колотилось где-то в горле.

— Ну как что?! Какие дети, Оль? Нам по восемнадцать! Мне в армию через три месяца идти! Ты понимаешь, что будет?

— А как же мы? — слёзы подступили к горлу. — Я... я ждать буду. Пока ты из армии...

Он наконец посмотрел на меня, и в его взгляде я увидела не любовь. Я увидела испуганного мальчика, который хотел сбежать.

— Оль, ты не понимаешь... Давай пока родителям не будем говорить. Подумаем. Просто... дай мне время.

Митя проводил меня до дома молча. Между нами шла ночная тишина, густая и липкая. Мне казалось, что что-то треснуло, надломилось, но я ещё до конца не понимала — что именно. Не глядя мне в глаза, мой Митька, мой любимый Митька, неловко чмокнул меня в щёку, развернулся и ушёл. Я стояла у калитки и смотрела ему вслед, пока ночь

не забрала и не скрыла его силуэт.

В доме я разделась тихо, стараясь, чтобы ни одна половинка не скрипнула. В зале голубоватым светом мерцал телевизор. Папа смотрел какую-то позднюю передачу.

— Нагулялась? — тихо спросил он, не поворачивая головы. — Иди спать.

Я молча, опустив глаза, прошла в комнату. Мне казалось, что он каким-то чудом, по одному моему виду, сможет узнать всё. Я забилась под одеяло, но сон не шёл. Как же меня пугала неизвестность. А главное — Митина реакция. Почему он испугался? Что же будет дальше?

Утром я старалась делать вид, что всё хорошо. Но мама смотрела на меня словно рентгеном, насквозь. Я с детства не умела врать. Если бы она спросила в лоб, мне пришлось бы признаться. А я не могла. Ведь я пообещала Мите.

А потом началось ожидание. Телефонов тогда ни у кого не было, поэтому оставалось только смотреть в окно и ждать.

— Что-то ты дома и дома, лето же, что гулять не идёшь? Где твой Митька? — спросила мама.

— Не знаю, может, заболел?

— Ну так с подружками сходи, что ж дома сидеть? Погода такая хорошая, — предложил папа. — Поругались, что ли?

Его не было три дня. Три бесконечных, пустых дня.

Стук в окно я услышала сразу. Не пошла, а побежала. Схватила кофту на лету и выскочила за ворота. И сразу поняла: разговор будет серьёзным.

Он не бросился обнимать, как раньше. Взгляд его был колющий, чужой. Как будто он эти три дня думал, мучился и принял какое-то страшное решение.

— Вот, — он протянул руку. В кулаке он что-то сжимал.

— Что это?

— Порошки, — глухо сказал он, разжимая ладонь. На грязных пальцах белели смятые бумажки — дешёвые порошки из аптеки, которые он где-то раздобыл. — Они помогут... избавиться. Я подумал, так будет лучше для всех.

Земля ушла из-под ног. Я смотрела на его ладонь, и в ушах начался тонкий, пронзительный звон.

— Какие порошки? — мой голос сорвался на шёпот. — Митя, ты... ты меня спросил?!

Слёзы хлынули сами собой, жгучие и солёные, я даже не могла их вытереть — руки не слушались.

Он не поднял на меня глаз. Бормоча себе под нос, он тараторил, где достал и как нужно принимать, чтобы «помогло». Он говорил о нашем ребёнке так, будто мы обсуждали расписание автобусов.

— Не бойся, — сказал он, и в его голосе не было любви. Была только паника. — Всё будет нормально.

— А ты меня любишь? — всхлипнула я, цепляясь за последнюю соломинку. — Ты не бросишь меня?

— Конечно, не брошу, что за вопрос? — Он неловко обнял меня, вытер большими и тёплыми пальцами слёзы с моих щёк, говорил что-то ещё, но я уже не слышала. Всё про-

исходило не со мной. Не с нами. Так не может быть.

Я закрыла калитку, вытерла лицо рукавом и пошла в дом. В ту ночь я не спала. Совсем.

Утром, когда все ушли, я развернула маленький пакетик. Белый, мелкий порошок. Я высыпала его на язык и запила водой из кружки. Ни вкуса, ни запаха. Меня сразу затошнило, через какое-то время живот скрутило так, что я согнулась пополам и схватилась за край стола, чтобы не упасть. Но я пересилила себя. «Ну ладно, — подумала я, — лишь бы помогли. А если не помогут...» Я даже не думала об этом. Ведь Митя же обещал. Ослепительная, безоговорочная, молодая и глупая. Вот что такое любовь в восемнадцать.

Митя снова стал приходить каждый день. Мы опять ходили за руку, как прежде. Как прежде? Или мне просто так хотелось думать?

Прошло десять дней. По Митиным «прогнозам», всё уже должно было случиться.

— Ну как? — спрашивал он, нервно поглядывая на меня. — Ты что-нибудь чувствуешь?

— Нет, — качала я головой.

— Ты точно пьёшь, как я сказал?

— Да, конечно.

— Блин... — он хватался за голову. — Не может быть. Что делать-то?

— Не расстраивайся, — гладила я его по руке. — Давай ещё немного подождём.

Следующая неделя пролетела незаметно, но ничего не происходило. Наоборот, аппетит стал волчьим, всё время хотелось есть и спать.

— Нужно что-то делать, — как-то вечером сказала я, глядя на свои руки. — Скоро живот появится.

Митя долго молчал, глядя в землю. Потом тяжело вздохнул и сказал обречённо, но как-то даже твёрдо:

— Что ж... Жениться.

— Жениться? — я замерла. А потом заплакала. Но в этот раз — от счастья.

— Ну да, — он, наконец, поднял на меня глаза, и в них я увидела не страх, а какую-то странную, мужскую решимость. — Раз не получилось, значит, нужно жениться и рожать. Судьба. Надо сказать родителям.

Мне показалось, что он сказал это даже радостно. Как будто всё это время не я одна мучилась чувством вины, а он думал, боялся и тоже искал выход.

— Да, — я уткнулась ему в плечо, вдыхая его знакомый запах. — Давай скажем. Что ж тянуть-то...

Сейчас, когда дождь стучит в окна, а руки холодеют, я вспоминаю белый порошок на языке. Я до сих пор не понимаю, как я могла принять его решение и сделать то, что он предложил. До сих пор я прошу прощения у Бога и буду просить его до конца своих дней.

...А за окном всё так же стучит дождь.

В дверь позвонили. Я открыла, и на пороге стояли мама

и папа — с улыбками, с большим пирогом в руках.

— С днём рождения, Оленька! — мама обняла меня, и я почувствовала запах её духов — тот самый, знакомый с детства.

Папа поставил пирог на стол и посмотрел на меня внимательно:

— Ну что, доча, как ты? Не грустно тебе одной-то живётся — всё одна да одна? Ты такая видная у нас, всё выбираешь?

— Выбираю, пап, — улыбнулась я. — У меня, правда, всё хорошо. Просто сегодняшнний затянувшийся дождь тоску нагоняет. Как вы добрались?

— Нормально, доча, нормально, — он махнул рукой. — А ты всё думаешь, думаешь... О чём, Оль?

— Да так... О жизни.

Я смотрела на него и думала о том, как он изменился. Папа не пил уже несколько лет — после инсульта бросил, и это нас с мамой радовало. Правда, он немного прихрамывал теперь, но это было гораздо лучше, чем тот пьяный, страшный человек из моего детства.

Они не знают, о чём я думаю. И не должны знать. Но они рядом. И этого достаточно.

Глава 3. Знаки судьбы.

Родители гостили часа два, а потом засобирались домой. Папа устал — прихрамывал больше обычного, да и мама утомилась. Дорога неблизкая, электричка, потом автобус. Но я так рада, что они приехали, наговорились, посидели за столом, как в детстве.

Я вызвала такси, проводила их до машины, попрощалась. Мама высунулась из окна:

— Оленька, ты не грусти, ладно? Позвони завтра.

— Хорошо, мам. Счастливого пути.

Машина тронулась, и я стояла, глядя ей вслед, пока красные огоньки не растворились в дождливой темноте.

Вошла в дом. Тишина. Только часы тикают на кухне, и дождь барабанит в окно. Помыла посуду, прибрала остатки еды в холодильник — пирог ещё стоит, нетронутый. Пошла в душ.

Прохладная вода смыла остатки грустных воспоминаний лишь на мгновение. Я легла и почувствовала, как мысли снова начинают кружиться — тихо, неотвратимо, унося меня туда, где всё только начиналось. Где была любовь, где была надежда, где я ещё верила, что всё будет хорошо.

Закрывает глаза. И провалилась в сон, который перенёс меня в тот сентябрьский день. День моей свадьбы.

...Я вошла в дом. Было тихо, только папа, как всегда,

смотрел телевизор в зале. Я прошла на цыпочках — он, наверное, задремал.

Утром я проснулась с лёгким сердцем. Какая-то светлая радость после вчерашнего разговора с Митей поселилась в душе. Сегодня воскресенье. Мама на кухне жарила блины, и густой, аппетитный аромат витал по всему дому. Я умылась и вышла к ней.

— Доброе утро, мамочка, — сказала я и поцеловала в щёку.

— Доброе, Олюшка. Выспалась? Прямо светишься вся. Случилось что? — мама смотрела, улыбаясь, и ждала ответа.

— Выспалась. Всё хорошо.

— Доброе утро всем! — папа зашёл на кухню, потягиваясь. — И что же у нас такого хорошего происходит, о чём я не знаю?

Я посмотрела на отца, задумалась, что же ему ответить, собрала весь свой дух и вдруг, сама от себя не ожидая, выпалила:

— Мама, папа... а я замуж выхожу. Я беременная, и скоро у вас будет внучка.

Мама молча сняла сковороду с плиты, вытерла руки о полотенце и медленно села на стул, глядя на меня во все глаза.

— Внучка, говоришь? — тихо начала она. — Это, конечно, хорошо, дочка... Но вроде как рановато. Ты же только в колледж поступила, нужно закончить.

— Так я закончу, пап. Вы не волнуйтесь. Так получилось.

— Это вы с Митей решили? — спросила мама, и почему-то по её щеке покатилась слеза.

— Да, с Митей. Он вчера мне так и сказал: «Будем жениться, раз беременная».

— А что, мать, и правильно, — вдруг подал голос папа. Его голос был спокойным, но твёрдым. — Раз такое дело, пусть женятся. Внучка так внучка.

В его глазах тоже заблестели слёзы, но он быстро моргнул, прогнал их и усмехнулся:

— Ничего, Аннушка, скоро мы станем бабушкой и дедушкой. Это же здорово. Вот дочка... Ну и обрадовала.

Папа подошёл к маме, обнял её за плечи и посмотрел в глаза. Он ничего не сказал, но в его взгляде читалось: «Всё будет хорошо». Потом он подошёл ко мне, поцеловал в макушку и спросил:

— Ну и когда нам сватов ждать? Решили или ещё нет?

— Не знаю, пап. Митя скажет, когда.

Теперь радость как будто бы выросла. Уже не я одна радовалась, а все мы. Неожиданная, но такая правильная радость поселилась в нашем доме.

Позже Митя рассказывал, что в это время в их доме было не до радости.

— Нет, Митя, ты себя вообще слышишь? — Надежда Павловна, Митина мама, была вне себя. Она нервно ходила из угла в угол, размахивая руками. — Какой ребёнок, какая свадьба?! Вы же ещё дети, вам по восемнадцать! Ты вообще по-

думал, как жить дальше? Тебе в армию через два месяца идти! Вы чем думали? Догулялись!

— Витя, а ты что молчишь? — накинута она на мужа. — Что думаешь? Или как всегда: мне одной всё решать надо?

— Не шуми, Надь. А что я думаю? — тяжело вздохнул Митин отец. — Раз такое дело, пусть женятся. Надо было головой думать, а не... ну, ты поняла. А Оля мне нравится. Поможем, мать, чего ты так кипятишься-то? Вот такая любовь у них.

Надежда Павловна сжала губы.

— Любовь... Любовь — это хорошо, — сказала она тише. — Только я тоже рано вышла — хлебнула. Свекровь строгая, денег нет, ты вечно на работе... Я не хочу им такой доли.

— А я хочу, чтобы по-людски, — отрезал Виктор Ильич и подмигнул сыну.

— Мам, папа прав, — тихо, но твёрдо сказал Митя. — Я готов жениться. Ты же знаешь, что я люблю Олю. А раз так получилось, что ж теперь.

Весь день в приподнятом настроении я ждала Митю. У нас будет ребёнок и семья. Надо же, какой подарок приготовила нам судьба!

Вечером Митя пришёл и, как всегда, постучал в окно.

— Оля, скажи Митьке, пусть заходит, — усмехнулся папа. — Что ж теперь, не чужой как-никак, скоро породнимся.

Митя вошёл в дом. Было видно, как он волнуется: то руки в карманы засунет, то воротник поправит. Поздоровался с

папой за руку.

— Ну что, Митя, жениться решили? — спросил папа.

— Да.

— Ну и молодцы. Правильно, раз такое дело. Мужик. Мы с матерью поможем, на нас можете рассчитывать. Когда сватать-то придёте?

— В пятницу и придём. Ждите.

Всю неделю мы готовились встречать сватов. Новость быстро облетела всю нашу большую родню.

В пятницу с утра наш дом кипел, как улей. Тёти на кухне спорили, как лучше украсить торт, папа возился с шашлыками.

— Пап, а зелень куда? — я держала таз с укропом и зелёным луком.

— Доча, клади возле селёдки. Мужики будут с картошкой закусывать, — папа улыбнулся.

— Не дрожи, Оля, — смеясь, сказала тётя Люба. — Жених-то у тебя видный, каких поискать.

— Я не дрожу, — соврала я.

— Врёшь, — вмешалась тётя Валя и прижала меня к себе.

— Все дрожат, себя помню. — И засмеялась.

— Идут! — завизжали дети во дворе.

— Встречаем! — крикнул папа.

Дверь открылась, и на пороге появилась Митина родня.

— Здравствуйте, вашему дому! — весело, с широкой улыбкой начал Митин дядя Валера. — Говорят, голубка на-

ша к вам в дом залетела? Вот мы и пришли её забрать, а то у нас голубь истосковался совсем, не дело это!

Родители Мити улыбались, но оглядывали присутствующих настороженно. По лицу Надежды Павловны было видно, что она чем-то недовольна и сильно волнуется.

Гости расселись за столом. Папа встал как глава семьи, поправил ремень и поднял рюмку:

— Ну что, дорогие родственники и сваты. Собрались мы сегодня, в общем-то, чтобы отметить помолвку нашей дочки Олюшки и Мити.

Мать Мити нервно сложила салфетку в гармошку, громко покашляла, словно собираясь с мыслями.

— Сватья, ты что-то грустная, я смотрю, — заметил папа.
— Может, что не так? Так скажи.

— Я скажу, — она подняла глаза. — Я против спешки. И мне кажется, всё не так. Мы ведь пришли просто поговорить, а у вас тут праздник прямо, неожиданно для нас.

— Не понял я чего-то, сватья.

— А что тут понимать, сват, — Надежда Павловна выпрямилась. — Я вот что предлагаю. Раз она беременная, пусть у нас пока поживёт, пока Митя в армии. А потом придёт — и поженятся.

Тишина легла на стол. Тётя Люба прикусила губу. Мама положила ладонь мне на колено — «сиди и молчи, не вскакивай». Папа наклонился вперёд, упёрся ладонями в стол.

— Сватья, вы добра хотите — вижу.

Щёки у меня запылали. Слёзы подступили к горлу, но я молча смотрела на папу. Я знала, что он не даст меня в обиду.

— А ты думаешь, Надежда, что моей дочке жить негде, что ли? — спокойно, но так твёрдо сказал папа, что у Надежды Павловны дрогнул подбородок. — Так ты ошибаешься. Вон у нас дом какой. И внучку вырастим, нам в радость только.

Все молчали, ожидая развития событий. Митя сидел красный, ему было откровенно стыдно за мамины слова.

И тут папа вдруг повернулся к нему:

— Митя. А я вот тебя хочу спросить. А ты-то, зачем пришёл? Тоже как сваха — сказать, что в армию уходишь? Или как?

Митя поднял глаза. В них больше не было детского страха.

— Я жениться хочу, — сказал он твёрдо.

— Любишь дочку нашу? — не отступал папа.

— Люблю.

— Ну вот, сваха, а ты говоришь «потом», — громко и твёрдо сказал папа, поднимая рюмку. — Раз любят — пусть женятся! Вот за это и надо выпить!

Надежда Павловна отвернулась, зажмурилась. Виктор Ильич молча посмотрел на неё и вытер пот со лба носовым платком.

— Ладно, гости дорогие, не на базаре. Мой тост: чтобы молодые были вместе, а мы — рядом. И чтобы «я сказал» равнялось «я сделал» — понял, Митя?

— За это, Петя, и выпить не грех! — гости дружно подхватили, чокаясь рюмками, а я впервые за весь день позволила слёзам скатиться по щеке. Но это были слёзы счастья.

Стол зашумел снова. Тосты полились. Дядя Ваня громко провозгласил:

— Любовь — это когда по очереди мусор выносить. Запомните!

— И носки по дому не разбрасывать, — вставила тётя Люба.

— И свекровь слушать, — хмыкнул кто-то.

— А свекрови иногда молчать, — добавила мама тихо мне на ушко.

Все засмеялись, и напряжение чуть спало. Я поймала взгляд Надежды Павловны.

— Сватья... — сказала она тоже тихо. — Я вас слышу. Я буду учиться. Я не враг ни себе, ни своему сыну.

— А ты ешь, давай. Беременным два куса положено, — сказала, улыбаясь, мама.

— Петя, а можно и мне тост сказать? — спросила бабушка Нина, папина мама, с конца стола.

— Конечно, мам, говорите.

Бабушка Нина поправила платок и попыталась встать.

— Я скажу. Любите друг друга. Но главное — не обижайте друг друга.

Она взяла стакан с соком, дотронулась губами, и вдруг платок соскользнул с головы. Баба Нина побледнела.

— Ой... Голова... Мушки... — пальцы разжались, стакан звякнул и покатылся по столу, сок разлился по скатерти.

— Мама! — вскочил папа.

— Воды! Откройте окно! — крикнула мама.

— Тонометр где?

— Я... звоню, — тётя Валя уже стояла у телефона. — Алло! «Скорая»? Женщине плохо, похоже, инсульт. Адрес...

— Положите её на бок, — подсказал Виктор Ильич.

Бабушка лежала на полу белая как стена. Я держала её руку. Она была холодная, как стекло. В доме стало так тихо, что было слышно, как тикают часы на стене. Сирена разрежала двор. Фельдшер вошёл быстрым шагом, щёлкнул фонариком.

— Инсульт. Поехали. Кто со мной?

— Я, — сказала мама.

— Я с вами до ворот, — добавил папа.

Дверь хлопнула. Все вернулись в дом, но радость уже покинула его в этот вечер. Кто-то уносил блюда, кто-то вытирал стол. Митя подошёл, взял меня за руку.

— Оля... — его голос сорвался. — Всё будет хорошо. Слышишь?

— Слышу, — ответила я, не уверенная ни в чём, кроме тепла его рук.

Позже я ещё не раз возвращалась в этот вечер. Вспоминала всё в деталях, в мелочах. Я пыталась уловить, не было ли во всём этом знака. И только потом, через несколько лет, я

поняла, что это всё-таки был ещё один знак свыше. Предупреждение, на которое никто не обратил внимания. Никто. А ведь могли бы...

Бабушку положили в больницу, врачи сказали — надолго. Свадьбу, посоветовавшись, решили не откладывать. Да и бабушка, как могла, сама на этом настаивала, а дедушка её поддерживал.

Жизнь тем временем текла дальше, и все жили в предвкушении большого праздника. Настоящей свадьбы.

— Чем наша дочь хуже? — возмущался папа, расхаживая по кухне. — Да она у нас лучше всех! Вот и свадьба должна быть лучше всех.

— А кто же спорит с этим, Петя? Конечно, лучше, — вторила ему мама, составляя список гостей.

В этом списке уже было более шестидесяти человек.

— А ты Соловьёвых записала? Хоть и дальние, а всё же родственники, а то узнают и обидятся.

— Записала. А Симоновых с детьми будем приглашать или без? Ой, нам ещё надо будет со сватами меню обсудить, а завтра пойдём в столовую закажем, пока не поздно.

Папа работал на заводе, а при заводе была большая столовая. Арендовали её совсем за копейки, по-родственному. В итоге на нашей свадьбе оказалось сто двадцать человек!

Тот сентябрьский день стал самым радостным в моей жизни на тот момент. Я была такой красивой в свадебном платье, что сама не могла на себя насмотреться, разглядывая се-

бя в зеркале.

— Пап, ты зачем галстук надел на майку?

— А я тренируюсь, — папа повёл плечами.

— Оля, ты как?

— Как на качелях, — сказала я. — То весело, то страшно.

— Страшно — это хорошо, — тётя Валя протянула мне зеркало. — Значит, понимаешь, что жизнь — не кино. Рот открой — помаду поправлю.

В комнате сустились одноклассницы, подготавливая выкуп и боясь не опоздать и вовремя встретить жениха и его свиту.

Во дворе заорали клаксоны. Дети выбежали на крыльцо:

— Идут! Идут!

Митя стоял у ворот с букетом, красный и счастливый, позади — друзья, соседи. Виктор Ильич придерживал под локоток Надежду Павловну, она поправляла воротничок на платье.

— Проход платный! — заявили подружки и раскинули руки.

— Отгадай загадку: «Что у невесты всегда с собой, но жених никогда не найдёт?» — спросил мой брат Саша.

— Что? — улыбнулся Митя.

— Хитрость, — подмигнул Сашка.

— Деньги не беру, беру отжимания. Десять!

— Давай двадцать, — буркнул папа. — Чтобы на всю жизнь запомнил.

Митя отжался, друзья считали в унисон. Он поднялся красный, в испарине, но глаза его сияли. Крики, смех. Я стояла в дверях, и вдруг в этом балагане меня кольнула мысль: а выдержим ли?

В ЗАГСе было волнительно и шумно, пахло цветами. Женщина с красной лентой поверх строгого платья прочитала знакомое:

— В соответствии с законами РСФСР... Сегодня... Вне-сти записи акта о заключении брака...

Митя держал меня за руку — ладонь мокрая. Я покоси-лась на родителей: папа крепко держал маму за локоть, а она сжимала в руках белый платочек, и губы её тихо шевелились — то ли молилась, то ли шептала что-то своё.

— Согласны ли вы... — спросили, глядя на меня.

— Согласна, — сказала я и услышала, как дрогнул мой голос.

— Согласен, — сказал Митя.

Мы расписались, кольца блеснули в жёлтом свете люстр. Мама, глядя на нас, почему-то заплакала, а папа тихонько её утешал:

— Ну, мать, ты чего это? Смотри, какая у нас дочка-кра-савица, а ты реветь. А внук или внучка будут ещё красивее! Вот так-то.

«Горько!» — кто-то крикнул громко в зале, но женщина подняла руку:

— На улице, граждане. Порядок!

В коридоре нас догнала Галина Сергеевна — наша преподавательница из колледжа, которая согласилась быть тамадой.

— Оля, — она взяла меня за локоть, — вы так похожи с Митей. Я в первый раз, как его увидела, подумала, что он твой брат, представляешь. Это хороший знак. Держитесь друг за друга, слышишь?

— Слышу, — улыбнулась я. — Спасибо, Галина Сергеевна.

...Стены столовой украшали воздушные шары и плакаты, написанные накануне от руки — гуашью и акварельными красками моими подружками. Сегодня даже смешно представить на свадьбах такие плакаты, а тогда, в начале девяностых, это было очень оригинально. Причём такие плакаты можно было передавать своим знакомым, чтобы им не пришлось тратить время и писать новые.

«Муж и жена — одна сатана», «Муж — голова, жена — шея, куда хочу, туда и поверну», «С милым рай и в шалаше». Дядя Ваня ходил по залу и читал надписи вслух. Вдруг, увидев в окне машину молодожёнов, весело закричал:

— Приехали! Сватья, бери каравай, встречай молодых!

— Дорогие Митя и Оля, мы поздравляем вас с законным браком и благословляем ваш союз, — сказала с натянутой улыбкой Надежда Павловна.

— По старой русской традиции просим отведать наш каравай, — весело произнёс Виктор Ильич. — Да не просто

ответдать, а проверить, кто же будет в доме хозяином. Кто, как говорится, больше откусит.

Гости радостно поддержали это предложение, наблюдая, как молодые откусывают каравай и солят друг другу в первый и последний раз — тоже по традиции.

— Дорогие наши дети! — поднялся папа. — Слов у меня простых немного, но от сердца: я своей дочери верю. Парню доверяю. И не потому, что он сказал, — потому что вижу, как смотрит. Пьём за то, чтобы не отводили взглядов друг от друга.

— За вас, дорогие! — присоединилась мама.

— Горько! — гаркнул дядя Ваня, и мы целовались под оглушительный счёт — весь зал считал хором.

Галина Сергеевна ходила между столами, как дирижёр.

— А сейчас конкурс: «Кто быстрее почистит картошку», — объявила она. — Молодожёнам пригодится. Митя, Оля — по маленькой. Папы — по большой.

Все смеялись и наблюдали за происходящим. Баян взял «Цыганочку», ноги сами понесли наших пап в пляс.

— Смотри, Оля, — Митя наклонился к уху, — мой отец молодцом.

— Да они оба молодцы, — сказала я и чуть сильнее сжала его руку.

— Следующий конкурс! — не унималась Галина Сергеевна. — «Угадай по руке». Закрываем Мите глаза. Женщины вытягивают руки — муж ищет свою жену.

Митя нащупал мою ладонь сразу. Я была счастлива, и в этот миг подумала: может, и правда главное — узнавать и чувствовать друг друга вслепую.

Свадьба гулялась, как говорится, на широкую ногу. А какая же свадьба без гармониста в то время? А как плясали под баян! Было всё: и веселье до упаду, и гармонист, который к концу вечера уснул в подсобке, и даже небольшая драка — ну какая же свадьба по всем традициям без драки?

Родители Мити, надо сказать, вели себя тоже празднично. Пили, улыбались, даже танцевали. Мне казалось, что они просто приняли ситуацию и смирились с нашим решением.

Но мне это, как потом оказалось, только казалось.

Глава 4. Разбитое сердце.

Первую ночь мы провели у моих. Мама укрыла нас тяжёлым бабушкиным одеялом.

— Спите, детки, устали, — сказала она тихо, притворяя дверь.

На следующий день я собрала вещи, и мы пошли к Митиным родителям. Так было положено: муж ведёт молодую жену в свой дом, к своей семье. Я и не спорила. Главное — Митя, мой любимый, был рядом, и с ребёночком теперь всё будет хорошо.

Но чужая семья жила по другим законам. Свекровь сразу дала понять, кто в доме хозяйка.

В первые дни у свекрови было непросто. Надежда Павловна раскладывала всё по полкам — как в аптеке: «Это — для посуды, это — для пола, это — "не трогай"». Кухню была ее крепость и это чувствовалось.

— Кружки у нас тут стоят, — показывала. — Не путай. Газ береги. Посуду моем сразу. А это — тряпка для стола.

— Поняла, — я кивала.

— Можно я сама суп сварю?

— Суп я сама приготовлю, — отвечала она. — Как Митя любит.

Она могла громко вздохнуть, если я не так ставила чашку, или бросить холодный взгляд, если я задерживалась в ван-

ной. А что оставалось делать восемнадцатилетней девчонке? Только соглашаться и помалкивать.

Но однажды я всё-таки решила всех порадовать, особенно Митю, конечно, и сама, впервые в жизни, испечь беляши. Моя мама это делала часто, и я видела, и иногда даже помогала ей, и решила, что это мне по силам.

Мама даже сама дала мне готовое тесто и фарш:

— Вот и молодец, Оленька. Надо учиться, всё когда-нибудь бывает в первый раз. Главное — не бойся, всё получится.

— Хорошо, мам, спасибо.

Я пришла домой, и пока никого не было дома, принялась за дело. Надела фартук и начала стряпать. Беляши получались красивые, что и говорить. Большую чашку накрыла полотенцем, чтобы не остыли. И пошла в комнату прилечь.

Митя разбудил меня, тихонько тронув за плечо:

— Оля, привет, соня. А мы твои беляши пробуем. Ты молодец, конечно, ты нас очень удивила. Мне понравились. Пойдём вместе чаю выпьем, ты сама-то ела?

— Нет, не ела, тебя ждала.

Я села за стол. Митя налил чай мне и себе. Запах стоял по всему дому просто замечательный. Я откусила беляш и посмотрела на Митю.

— Что-то не так, Оль?

— Митя, так они же сырые! Мясо совсем не прожарилось. А ты нахваливал. Ты обманул меня?

— Оля, а я бы и такие ел, честное слово. Ничего страшного, в следующий раз всё получится. Спасибо, — и чмокнул меня в щёку.

Это позже, когда я рассказала маме об этом, она рассмеялась и сказала, что нужно было жарить на медленном огне, чтобы мясо прожарилось, и тесто не пригорело. Этот случай я запомнила на всю жизнь и до сих пор вспоминаю, когда беляши жарю.

Через неделю почтальон положил конверт в почтовый ящик. Белая бумага с синей печатью.

— Повестка, — сказала Надежда Павловна так же, как говорят «дождик начался».

— На пятнадцатое. Сборный пункт.

Вечером мы сидели за кухонным столом втроём — я, Митя и эта бумага.

— Может, отсрочка? — спросила я. — Мы же... семья, ребёнок...

— Нет, — сказал Митя. — Это не повод для отсрочки. Да и потом всё равно нужно отдать долг родине. Я быстро вернусь.

— Быстро — это когда? — у меня пересохло в горле.

— Два года, — сказал он.

Я знала, что этот момент придёт, но не думала, что так быстро. Я плакала, представляя нашу разлуку, а Митя успокаивал меня так нежно, как только мог:

— Олечка, два года быстро пролетят. Вот увидишь, всё

будет хорошо. Ты не плачь, тебе ведь нельзя. Ты что, сына нашего расстраииваешь?

Он всегда был уверен, что будет именно сын.

На проводы пришли самые близкие. Стол накрыли у моих родителей. А утром почти все, кто был на проводах, пришли к военкомату.

На сборном пункте толпа мальчишек с одинаковыми пакетами и одинаковыми глазами. Кто-то шутил, кто-то молчал. Короткие поцелуи, «ну всё», «звоните».

— Митя, ты мне пиши, ладно? Я буду ждать, очень-очень буду, — шептала я, уткнувшись ему в плечо.

— Конечно, буду писать, куда же я денусь.

— Я люблю тебя.

— И я тебя, Олечка, — тихо повторял Митя, гладил меня по голове и крепко прижимал к себе.

— Призывники — на построение! — прозвучал суровый мужской бас.

Все выстроились в шеренгу. Мне казалось, что мой Митя был самым красивым, несмотря на то, что он, как и все, был совсем лысым.

— По автобусам! — раздалось за спиной.

— Ну, всё — пока! — Митя всех поцеловал и побежал к автобусу.

Мы стояли, пока автобусы не скрылись за поворотом, а я тихонько плакала.

Потянулись дни одиночества. Мне так хотелось, чтобы он

был рядом, смотрел, как растёт животик, и радовался происходящим переменам. Из-за моего положения мы с родителями приняли решение перевестись на заочное отделение. Я устроилась работать в детский сад, чтобы как-то отвлечь себя от тоски.

Дни без Мити были унылые и бесконечные. Почти всё время я проводила в нашей комнате у Митиных родителей: читала, мечтала, плакала и ждала писем. А всё своё свободное время я проводила у своих родителей, где мне по-настоящему было хорошо и спокойно.

— Письмо! — громко крикнула Надежда Павловна, входя в квартиру.

Я выскочила в прихожую, чуть не сбила табурет.

— На вот, читай, это тебе, а это мне, — протянула она.

Я взяла письмо, и ладони стали влажными. Я ушла в комнату, открыла — знакомый почерк Мити, крупный, уверенный.

«Привет, моя любимая Оля. У нас зарядка в шесть, каша — как резина, зато хлеб горячий. Холодно, но мы сильные. Сосед по койке — Паша из Кургана, храпит. Письма — это воздух. Пиши каждый день. Я тебя люблю. Целую. Митя».

Митя писал также, что его направили в учебку на полгода очень далеко в Читу, а потом, так как он женат, переведут куда-то поближе к дому.

Я вышла из спальни, чтобы поделиться новостями. Надежда Павловна вслух читала своё письмо:

«...Я стираю носки сам — как ты учила. Командир сказал, что я "шустрый"».

— Молодец, сынок, — сказал Виктор Ильич и шумно высморкался. — Шустрый — это в отца.

Я считала дни до нашей встречи.

Было уже чуть больше шести месяцев беременности. На очередном осмотре в поликлинике врач сказала, что нужно сдать какой-то плановый анализ. Я сдала его и пошла домой, не думая о плохом. Как можно в моём положении думать о плохом?

После обеда мне позвонили на работу и сказали, что нужно срочно прийти в поликлинику. Услышав голос врача у меня сильно забилося сердце.

— Оля, вам нужно прямо сейчас подойти в кабинет. Это срочно, в очереди не ждите.

— А что случилось? К чему такая срочность? — тихо спросила я, чувствуя, как холодеют руки.

— Всё объясню при встрече.

Я молча положила трубку. В тот момент у меня прямо в кабинете сильно заболел живот и спина — наверное, от нервов. Я отпросилась с работы и на ватных ногах пошла в поликлинику. Пришла, села в коридоре, боясь показаться врачу на глаза. Так и сидела минут десять, пока медсестра сама не вышла и не пригласила меня войти.

— Оля, как ты себя чувствуешь?

— Всё хорошо, — ответила я, хотя это была ложь. — А

что случилось?

— Оля, давай проходи, ложись на кушетку, я ещё раз тебя осматрю.

— Так смотрели же до обеда, всё было хорошо...

Я легла на кушетку и почти не дышала. Врач подошла, потрогала живот, как обычно, послушала сердцебиение, помыла руки и сказала: «Вставай, одевайся».

Я встала, оделась, снова села напротив неё.

— У вас в роду были преждевременные роды, выкидыши? Или, может, рождались дети с патологией?

Я не понимала, что происходит. Мне казалось, что я прямо там, в этом кабинете, умру от страха.

— Не-ет... Я не знаю. Может, маму надо спросить?

Врач тяжело вздохнула и посмотрела мне прямо в глаза.

— Олечка, понимаешь... Сердце твоего ребеночка остановилось. Анализы показали, что всё очень плохо, и нужно срочно принимать меры.

Из моих глаз просто брызнули слёзы. Сами, как будто кран кто открыл. Всё. Я плохо слышала врача. Она что-то говорила, шевелила губами, но я была как рыба без воды. Мир обрушился, и я быстро падала вниз, куда-то, где темно и холодно.

— Ну-ну, девочка. Давай открывай глазки, что же ты нас так пугаешь? Ну как возьми себя в руки. Так, умница, дыши. Садись ровно и дыши, дыши, сейчас станет лучше.

Медсестра подносила к моему лицу ватку с чем-то рез-

ким, отчего я задыхалась и отворачивала голову.

— Ну вот молодец. К сожалению, Оля, малыша уже не спасти. Нам нужно тебя спасти, понимаешь? Я сейчас выпишу направление, завтра утром нужно ехать в город, в больницу. Там тебе сделают всё, что нужно в таких случаях.

Я была белая как стена. Руки и ноги не слушались, мозг отказывался принимать эту информацию.

— Давайте-ка её маме позвоним, я её знаю, — тихо сказала врач медсестре. — Пусть придёт, встретит её, а то ведь и до дома не дойдёт.

Как я оказалась дома — я совсем не помню. Всё происходило со мной как в тумане. Мелькали люди, машины, свет, опять люди. Всё кружилось, появлялось и исчезало одновременно.

Родители приехали и забрали меня, отвезли к себе домой. Мама ответила врачу на какие-то вопросы, слушала её предположения, спрашивала о причинах. Они вместе могли только предполагать причину, но ничего конкретного.

Дома мама напоила меня какими-то каплями, дала горячий сладкий чай, уложила в кровать, укрыла, поцеловала и, заплакав, вышла из комнаты.

Я провалилась в сон — тяжёлый сон, с тяжёлой головой и странными мыслями. Я не понимала, что делать, как быть, как жить дальше. Я даже про Митю не вспомнила в тот момент — думала только о ребёнке, который был во мне, но которого больше не было.

— Нет, нет, нет, не надо... — я без памяти ворочалась во сне и повторяла одни и те же слова.

В какой-то момент я подскочила, села, с глазами, наполненными ужасом. Посмотрела на маму, которая сидела рядом, и тихо произнесла:

— Я поняла. Я всё поняла. Прости меня, мамочка. Я сама во всём виновата.

Мама испугалась и постаралась успокоить:

— Ну что ты, доченька, ни в чём ты не виновата, что ты... Так бывает. Всё будет хорошо, мы рядом.

— Ты не понимаешь, мама! А я сама, я сама убила моего ребёнка! Я только что это поняла, понимаешь?! — у меня началась истерика, я металась по кровати. — Это я... это я всё... Я послушала Митю, он сказал, чтобы я не боялась, что всё будет хорошо, а я ему поверила. Понимаешь? Поверила, я же люблю его, я очень его люблю, мама...

— Что Митя сделал? Я не понимаю, Олечка...

— Он принёс мне порошки... Сказал, что они безвредные, но они помогут избавиться от ребёнка. Я их выпила. Десять штук. Все десять штук, всё как он сказал. А ребёночек остался жить, понимаешь? Я очень обрадовалась, и тогда мы решили уже сказать вам, что я беременная. Прости меня, мама, прости...

В комнату вошёл папа. Медленно. Он выглядел растерянно.

— Доча, ты давай не раскисай. Ну случилось, дело моло-

дое... Что ж ты сразу-то нам не сказала, глупенькая ты наша?
— Я испугалась, простите меня...

Слёзы лились как из ведра. Мама плакала рядом со мной, утешая и успокаивая. Папа молча вышел из комнаты, включил свет на кухне, поставил чайник на плиту и задумался.

Через час мама вышла на кухню — уставшая, с заплаканными глазами. Грустно посмотрела на отца:

— Как же мы с тобой не досмотрели... Горе-то какое... Что же теперь будет?

— Нас испугалась, это ж надо, мать... — печально сказал отец и закурил.

— Пошли спать. Завтра рано вставать, Олечку в город везти.

Утро было туманным. Хотя на улице был ноябрь, туман был в голове такой сильный, что я плохо соображала, что происходит вокруг. Папа старался держаться бодрым, мама была излишне заботливой, хотя по их глазам я видела, что они провели бессонную ночь.

Я подошла к зеркалу и испугалась. На меня смотрела девушка с очень бледным лицом, с потухшим взглядом, с синяками под глазами такими чёрными, словно их кто-то нарисовал. Губы были белые, лицо как будто восковое — неживое. Я молча расчесала волосы, выпила остывший чай, оделась и с мамой вышла во двор. Папа уже разогрел машину, чтобы отвезти нас на вокзал.

Мы ехали на электричке. За окном мелькали деревья —

белые, снежные, веточки тоненькие и заледенелые. Как я, — подумала я, — такие же холодные и бесчувственные.

Мама буквально водила меня за руку, боясь, что я оступлюсь и упаду. Странно мы выглядели, наверное, для прохожих: маленькая женщина с заплаканными глазами и высокая, на голову выше мамы, девушка — потерянная и безмолвная.

В первую больницу нас не приняли. Медсестра равнодушно произносила уже в который раз:

— Ещё раз повторяю: мы таких не принимаем. Это не наш профиль. Не понимаю вообще, зачем вас к нам направили.

Я сидела в коридоре уставшая. У меня болел живот и отекали ноги — слишком долго мы искали эту больницу чёрт знает — где, и вот результат. Мама подошла и присела рядом:

— Ты как, Олечка? Нас тут не принимают... Что же делать?

— А вы поезжайте в больницу неотложной скорой помощи, — вдруг сказала другая женщина в белом халате, видимо, слышавшая всё и пожалевшая нас. — Они не могут вам отказать. Там точно примут.

В другую больницу мы приехали уже поздно вечером, почти в восемь. Была пересменка, и нас попросили подождать немного. Мы ждали недолго. Вышла медсестра:

— Здравствуйте. Переоденьте и переобуйте Ольгу, и пусть проходит с вещами. А вам можно ехать домой. Мы сейчас всё оформим, возьмём анализы и отправим в отделение.

Я была настолько уставшей, что не было сил плакать и долго прощаться с мамой. Мама поцеловала меня:

— Доченька, я завтра приеду, приду к тебе, хорошо? Ты не переживай, мы с папой рядом, слышишь?

Я молча кивнула и откинулась на спинку стула. Ныла спина, большой живот мешал ровно сидеть, ноги гудели.

Через какое-то время я оказалась в палате. Там были ещё женщины, которые, как мне показалось, смотрели с жалостью. Но мне было всё равно — кто они, что скажут и что думают. Я молча легла на кровать и сразу же провалилась в сон.

Утром я проснулась от каких-то незнакомых голосов и первое время не могла понять, где нахожусь.

— Так, девочки, меряем температурку и проходим на процедуры.

Я повернулась и увидела медсестру, которая протягивала мне градусник.

— Как вы себя чувствуете?

— Всё хорошо, — почему-то сказала я.

— Я сейчас сделаю вам укольчик, будем вызывать роды и следить за вашим состоянием.

Я кивнула, села на кровать, поставила градусник.

Всё было как в страшном сне. Я бы врагу не пожелала никогда пережить то, что было тогда со мной. После укола, через какое-то время, у меня начались схватки. Я рожаю мёртвого ребёнка, — подумала я. Только бы побыстрее это всё

закончилось.

В огромной сорочке, которую мне выдали в больнице, я прошла в родовую. Молча легла на кресло, куда указала медсестра. Мне привязали руки — это я точно помнила — и сделали укол. Наркоз. Последнее, о чём я подумала, и провалилась в темноту.

Я проснулась только на следующее утро от сильного холода. Меня трясло, и я не могла понять от чего. Я была укрыта двумя одеялами, и только потом поняла, что у меня на животе лежит резиновая грелка со льдом — чтобы останавливать кровотечение. Большого живота, с которым я пришла в больницу, не было.

Я стала судорожно стаскивать грелку, бросила её на пол.

Какая-то женщина из палаты крикнула, что я очнулась, и попросила подойти медсестру.

— Ну вот и молодец, выспалась? Ты почти шестнадцать часов проспала, я уже и волноваться начала. Как себя чувствуешь?

Интересно, как могла себя чувствовать девушка, потерявшая ребёнка. Но я сказала:

— Хорошо.

— Ты пока не вставай, тебе нельзя. Судно, если нужно, я подам. Не стесняйся.

К концу дня я понемногу села, даже попыталась встать. Медленно прошла в туалет и опять легла, отвернувшись к стене. Женщины о чём-то все время говорили. Не важно. Все

не важно.

В больнице я пробыла семь дней, и меня выписали.

— Ну что ж, сейчас главное — не впадать в депрессию. Всё прошло без осложнений, так что восстановитесь и родители ещё, сколько захотите. А пока поберегите себя и наберитесь сил. Вы молодец, — сказал врач.

Мама встретила меня внизу. Мы обнялись.

— Оленька, ты посиди немного. Я поднимусь к врачу, спрошу, что да как, и приду, и поедем домой, хорошо?

— Да, мам, конечно, посижу.

По дороге мы почти не разговаривали о случившемся. Она рассказывала, как дела у брата, что папа очень ждёт и переживает, ещё о чём-то, что приходило в голову, а я кивала и соглашалась.

За окном электрички снова мелькали те же замёрзшие берёзки с обледелеными веточками, но мне почему-то показалось, что они другие, как и я — другая.

Папа встретил нас на вокзале, обнял, поцеловал, завёл свой «Москвич» и повёз домой. Как же хорошо было дома! Так уютно, тепло, всё здесь было родное и знакомое. Я поняла, что возвращаться в дом родителей Мити я не буду — во всяком случае, пока Митя не вернётся. А там будет видно.

Родители окружили меня ещё большей заботой и любовью. А что ещё нужно человеку в такие трудные и непростые моменты его жизни?

Странно, но Митина мама не пришла проведать меня в

больнице — это понятно, туда не пропускали, да и ехать далеко. Но она не пришла и когда я была уже дома. Неужели ей всё равно, что происходит со мной и с её внуком — и, следовательно, с её сыном?

Через несколько дней я сама пошла к ней — вернее, папа отвёз меня на машине, чтобы забрать вещи.

Особой радости моё появление не вызвало. Она открыла дверь, поздоровалась:

— Проходи. А я всё думаю, когда же ты домой-то придёшь?

— Здравствуйте. А я к себе домой хочу вернуться, за вещами пришла.

— Как это за вещами? Ты же Митю ждать обещала?

— Так я и буду ждать, как обещала. Что-то писем от него давно не было. А вам писал когда в последний раз? Как у него дела?

— Да у него всё хорошо, служит. Я вот что хотела тебе сказать, Оля. Митеньке и так нелегко там, в армии, далеко от дома. Ты ему не сообщай, пожалуйста, про ребёнка... Ну, про то, что случилось, ладно?

— Да я всё понимаю. Но почему? Он же отец и муж, как же не сообщать-то?

— Я сама ему напишу. Аккуратненько надо его подготовить как-то, а то вдруг ещё что случится. В общем, я сама. А потом тебе скажу, что и как. Хорошо?

— Ну ладно. Пока не скажу.

Я собрала свои вещи быстро, как только могла. Мне хотелось бежать куда глаза глядят — только подальше отсюда. Она же даже не спросила, как я себя чувствую, какие планы, не предложила помощь. А даже как будто обрадовалась, что так получилось, что я ухожу.

— Я пошла.

— Ага, давай. Родителям привет.

За моей спиной захлопнулась дверь. Всё получилось, как ты и хотела, — подумала я. И поспешила в машину, где меня ждал папа.

Сейчас, когда я пишу эти строки, руки холодеют. Тридцать лет прошло, а я всё ещё чувствую этот лёд на животе. И всё ещё слышу голос врача: «Сердце твоего ребеночка остановилось», и голос мамы: «Врач сказал, что был мальчик».

«Прости меня, Господи».

Я не знала, что меня ждёт впереди. Но я знала одно: я больше никогда не вернусь в этот дом.

Глава 5. Чужой мой муж.

Жизнь пошла своим чередом. Я по-прежнему ждала писем от Мити. Ну неужели он не спросит — как я, как ребёночек, как вообще дела? Почему он молчит?

Я писала ему почти каждый день. Папа принёс мне настольную лампу:

— Смотри, не испортить глаза. Пиши, пиши. Мужу в армии письмо — как котлеты: мало не бывает.

— Пишу, — шепнула я, и ручка побежала. «Скоро Новый год. Я работаю и учусь. Скучаю очень-очень. Папа с мамой передают привет. Бабушку выписали, держится, восстанавливается. Врачи говорят — нужно время».

Каждый день после работы я бежала к почтовому ящику в надежде, что там письмо.

— Нет, Олечка, почта сегодня была, а письма опять не было. Наверное, Митя твой занят, может, учения какие-то серьёзные. Не переживай, напишет, — утешала меня мама.

— Да, мамочка, напишет.

Дни пролетали незаметно, но я считала каждый день, отмечая в календарике ручкой дату в кружочке. Прошёл Новый год — совсем не так, как раньше. Тихо и спокойно, я бы сказала, грустно, потому что мне без Мити было невыносимо грустно и одиноко. Если не считать папу, который, как всегда, был пьян и безумен. К двенадцати часам он уже был

хорошо под шафе, так что Новый год мы встречали под бой курантов и его пьяные комментарии.

Ну почему он не меняется? Пьяный отец — это совершенно другой человек. Неугомонный, агрессивный, грозный. Он переворачивает столы, кидает стулья, орёт так, что мне кажется — соседи на улице слышат. А мы делаем вид, что спим — я, мама и брат. Лежим и ждём, когда он наорётся и уснёт без сил. Хорошо ещё, что он ни разу в жизни не тронул ни маму, ни нас с братом. Но и то, что он вытворял, было всегда страшно и тяжело.

После Нового года я перешла работать в другой детский сад — от завода. Там и зарплата была выше, и сад получше. В феврале была сессия в колледже. Девочки, которые были на свадьбе, смотрели на меня с сочувствием. Всё так красиво начиналось, и вот теперь — муж не пишет, ребёночка нет.

Однажды подруга Люда, с которой мы вместе учились, позвонила мне:

— Олечка, как ты? Давно не виделись.

— Нормально, Люсь. Работаю, учусь.

— А Митя? Пишет?

— Пишет, — соврала я. — Всё хорошо.

— Ну и слава богу. Держись, ладно?

— Держусь.

Я научилась с этим справляться. Я научилась не плакать. Я училась жить по-другому. Все эти события сделали меня какой-то взрослой в один миг. Жизнь разделилась на «до»

и «после».

Как-то однажды вечером, в конце февраля, к нам в гости заехал мой дядя Коля. Благодаря своим связям он договорился, чтобы Митю после учебки перевели в ближайший город от нашего посёлка.

— Оля, я вот что сказать заехал. Митя твой скоро приедет, а служить будет в нашей части. Вот через недельку уже и увидите.

Всю неделю я жила в ожидании. Я представляла нашу встречу, я так соскучилась. Я почти три месяца не видела Митиных родителей, три месяца не получала писем и всё гадала — а знает ли он про ребёнка? А я не писала, как пообещала его матери.

— Олечка, а мы за тобой приехали. Поехали — Митя сегодня в часть прибыл, мы на вечер пригласили его к нам в гости на ужин.

Сердце моё застучало так, что могло выскочить. Я собралась, и мы поехали к родственникам в воинскую часть.

Я сидела на диване и считала минуточки, посматривая на часы. Ну где же он, где же?

Дверь в коридоре открылась, и я услышала его голос. Он вошёл и первым поздоровался с моим дядей за руку.

— Привет, солдат. Как настроение?

— Да пойдёт, — ответил он.

— Да ты проходи. Ольга вон уже заждалась тебя.

Я стояла у окна и смотрела на дверь. Он вошёл и остано-

вился.

— Привет, — тихо сказал он.

— Привет, — ответила я.

И в это же мгновение я поняла — по взгляду, по интонации, по поведению, — что это уже не мой Митенька. Это какой-то чужой человек. Недоступный и холодный.

Он был в военной форме, такой же красивый, возмужал немного — как мне показалось. Стал серьёзным. Я подошла, чтобы обнять его и поцеловать, а он холодно, едва прикоснулся к моей щеке.

— Потом, Оль. Поговорим. Не здесь.

— О чём?

— Я же сказал — потом.

Я была в таком невероятном напряжении. Мне всё казалось странным. Он ничего не спросил — как я, как ребёнок, где живот? Наверное, мама ему уже всё объяснила. Уж не знаю, что и как, но он всё знал — это я точно поняла. Может, поэтому не писал почти три месяца. Молчал.

Вечер прошёл в напряжении. Что между нами стена — поняли и мои родственники, но пытались разрядить обстановку разговорами и шутками. Стол праздничный по поводу встречи Мити уже был накрыт, и мы сели за стол.

Я не сводила глаз с Мити в надежде, что он отойдёт, привыкнет, посмотрит в мою сторону по-другому. Но ничего не получалось. Он скуп и односложно отвечал и больше молчал:

— Да. Нет. Не знаю. Не в курсе.

Разговор не клеился, как мы все ни старались.

Время, отпущенное на свидание, подошло к концу, и ему нужно было возвращаться в часть.

— Ольга, иди проводи Митю, ему пора возвращаться. На сегодня свидание окончено, — всё ещё пытался шутить мой дядя Коля.

— Пока, — сказал Митя и поцеловал меня так же в щёку, как и при встрече. Никак. Просто сделал вид.

— Пока.

— Приеду в увольнение — поговорим, что и как. Пока.

Он закрыл дверь, и я услышала удаляющиеся шаги в подъезде.

Я вошла на кухню, где в тишине сидели дядя Коля и тётя Зина и смотрели на меня в немом молчании. Я молча села на стул и расплакалась.

— Ну-ну, ты давай не реви, — сказал дядя. — Жизнь ведь такая непростая. Но сдаваться нельзя. Может, на службе, в учёбе, проблемы какие были. Может, ещё что-то, чего мы пока не знаем.

— Какие проблемы? У него тут жена сидит, горе такое пережила и до сих пор переживает. На него надеялась, а он хоть бы что! Хоть бы спросил что, обнял по-человечески. Молодые же. Ничего не понимаю. Как так можно, Коль?

— Не знаю. На свадьбе вроде любовь была, а через полгода что ж — исчезла, получается? Закончилась?

Слёзы покатались с ещё большей силой. Почему так? Почему так? Где же мой Митенька? Сердце разрывалось, мозг не мог принять происходящее.

— Я ведь думала, что он меня поддержит, что любит меня, а он... — слёзы душили.

Тётя Зина подошла и обняла:

— А знаешь что, Оль? Ты у нас вон какая красивая, стройная, умная девочка. Всё ещё наладится. Ну не может же вот так всё закончиться. Ну никак не может.

— Коль, а давай-ка нам с Олечкой винца налей твоего — домашнего, что ли. А то слёзы-то надо как-то унять.

Мы выпили. Дядя начал шутить без остановки, а тётя его поддерживать.

Вот так встреча, мой любимый Митенька. Что же дальше будет? — подумала я и провалилась в сон.

Вся неделя была тяжёлой. Я не понимала, что происходит и что будет дальше.

Он приехал в субботу, а в воскресенье должен был вернуться обратно с увольнительного — об этом сообщил мне дядя Коля, когда заехали с тётей Зиной в субботу в гости к моим родителям.

— То есть он сейчас дома уже? — удивлённо спросила я. Я всё ещё надеялась, что он сразу прибежит ко мне, и мы сможем обо всём поговорить, как раньше.

Не думая, я начала одеваться. Мне нужно бежать, мне нужно увидеть моего любимого мужа. Я так соскучилась.

По дороге к его родителям я не шла, а летела. Поднялась на пятый этаж и остановилась — нужно было отдышаться, потому что запыхалась.

Я позвонила в дверь. Было слышно, что голоса за дверью стихли, и кто-то шёл открывать.

— А, это ты? Митенька, это к тебе, — сказала Надежда Павловна, не здороваясь, и пошла обратно, не приглашая войти.

Митя вышел из комнаты.

— Привет. Заходи. Раздевайся, – сухо сказал Митя.

— Привет.

Я вошла, сняла шубу и повесила её на вешалку в прихожей, сняла сапоги. Митя молча стоял и наблюдал, разглядывая меня.

— Пошли в комнату.

Мы вошли в нашу комнату, где когда-то были счастливы. Нам так хорошо было здесь, вместе, и никто не был нужен — только мы друг для друга.

Мы сели напротив друг друга и какое-то время смотрели друг другу в глаза.

— Ну рассказывай, как ты жила без меня?

В его вопросе, как мне показалось, был какой-то подтекст, и его ухмылка это подтвердила.

— Плохо жила без тебя, Мить. Очень плохо. Я так скучала. Ты почему мне не писал? Я уже не знала, что и думать. Я ведь переживала, Митя. Ну разве так можно? А ты почему

не писал-то?

— А что писать? И так всё понятно было. Мне мама обо всём написала. Как ты ждала, где жила, с кем тебя видели.

— Да что ты такое говоришь-то, Митя? Я же беременная была. Я когда узнала, что ребёночка не будет, я чуть с ума не сошла. Ты не представляешь, как мне тяжело было. Я плакала, плакала. И до сих пор плачу. Я думала, ты придёшь, и всё наладится. Я же люблю тебя, Митя, очень люблю. Ну что происходит? Что тебе мама писала? Я не знаю, я нигде не была — с работы да домой. А ушла я отсюда, потому что мне дома лучше было после всего. Я не могла здесь без тебя. Понимаешь?

— Нет, Оль, не понимаю. Мы же договаривались, что ты здесь жить будешь. А ты?

Было слышно, как входная дверь хлопнула — родители ушли в гости, оставили нас одних.

Я встала и подошла к Мите, вытирая слёзы.

— Митенька, я так соскучилась. Знаешь, как мне было плохо без тебя. А у нас ведь мальчик мог бы быть. Врачи маме моей сказали, когда меня выписывали. Представляешь?

Я расплакалась, не в силах контролировать свои эмоции.

— Ну, не получилось, что же теперь. Может это и к лучшему?

Митя неожиданно обнял меня и начал целовать и успокаивать. В какой-то момент я почувствовала прежнего Митю, и мне показалось, что всё ещё у нас будет хорошо.

Он целовал меня, раздевал и бросал вещи в разные стороны. Страсть и желание проснулись в нём и во мне. Мы были созданы друг для друга — мне опять так казалось.

В какой-то момент он стал жёстким, и страсть переросла в агрессию. Он делал мне больно, так что я даже попыталась вырваться.

— Митя, мне больно. Что ты делаешь?

— Ничего, прости, прости...

И всё повторялось сначала. Может, потому что давно не виделись. Но всё прекратилось так же быстро, как и началось. Он завалился рядом со мной — разгорячённый и равнодушный. Потом молча встал и ушёл курить на балкон.

Я лежала и думала: что это было? Почему так всё происходит? Что же там с ним случилось? Он изменился.

Митя вошёл, сел на край кровати, задумался. Я ждала.

— Оль, слушай. Ну раз всё так получилось, ну значит, не судьба нам вместе быть, что ли? Я так думаю. Ты иди домой, а я сейчас к другу пойду. Я обещал, мы с ним полгода не виделись. А потом решим, что и как. Ладно? Только не плачь, надоели уже твои слёзы. Давай одевайся.

Я встала и начала одеваться. Молча. Я была в таком ступоре, в шоке от услышанного, от поведения и разговора Мити, что даже плакать не могла. В ушах звенело, руки дрожали, но я не могла пошевелить пальцами. Я одевалась и обувалась в коридоре. Он стоял, наблюдал и ждал.

Я молча вышла и захлопнула дверь.

Навсегда, — подумала я.

Сейчас, когда я пишу эти строки, мне сорок девять. И я до сих пор помню этот запах — его одеколон, смешанный с табачным дымом с балкона. Я помню, как он сказал: «Надоели уже твои слёзы». И я помню, как захлопнула дверь. Тридцать лет прошло, а я всё ещё слышу этот звук.

Но знаете, что странно? Я больше не плачу об этом. Я просто помню.

Глава 6. Когда жизнь продолжается.

Прошёл почти месяц, как мы не виделись с Митей. От общих знакомых я слышала, что он часто приезжал домой в увольнение. Встречи со мной не искал — видимо, решил всё за нас двоих.

А я жила. Вернее, училась жить. По-прежнему любя Митю. В какой-то момент я поняла, что выросла. Все свалившиеся события сделали меня другой — сильной, выносливой. Я подумала: жизнь ведь не останавливается и не заканчивается в восемнадцать лет.

Я всё ещё наблюдалась в поликлинике у гинеколога и регулярно посещала врача. В женской консультации, как всегда, пахло хлоркой. На стене висел плакат «Кормить грудью — значит любить», который привлёк моё внимание, и сердце сжалось. Я сидела в очереди, а мысли крутились в голове — воспоминания. Мне до сих пор было тяжело приходить сюда и видеть беременных и счастливых женщин.

— Следующий, — сказала молодая женщина, еле выходя из кабинета. Видимо, она ждала двойню — это заметно было по её животу.

— Ну и как у нас дела, Оля? Что-то беспокоит?

— Нет... Хотя, да, — сказала я, запинаясь.

— Слушаю тебя.

— Скажите, а после того, что со мной было, у меня будут ещё дети? — слёзы заблестели в глазах.

— Оля, это знает только Бог. Но я как врач могу сказать, что никаких проблем я не вижу, так что у тебя всё ещё впереди.

Я вздохнула и улыбнулась. Этот вопрос мучил меня всё время после возвращения из больницы. Врач посмотрела меня на кресле, взяла анализы, выписала витамины, и я ушла.

Погода была прекрасная. Яркое светило весеннее мартовское солнце, и хотелось просто жить и строить планы.

— Бабуль, привет!

— Привет, моя хорошая! А уж тебя заждалась. Всё думаю, где же моя внученька, позабыла совсем про свою старую и больную бабушку.

— Да нет, бабуль, ты извини. Дела, дела разные. Работа и работа. Я дома сижу, настроения совсем нет никуда ходить.

— Что это такое? Такая молодая, красивая — и дома сидеть? Я вот что тебе скажу, девонька...

Бабушка взяла меня за руку и посмотрела внимательно.

— Слушай меня. Жизнь — она как река. Бывает, камни попадают, течение бурное, кажется — не выплыть. А ты всё равно плыви. Не останавливайся. Потому что за поворотом — всегда спокойная вода. Я вот лежала в больнице, думала — всё, конец. А вон — хожу, тебя ругаю. Понимаешь?

— Понимаю, бабуль...

— Вот и правильно. Ты у нас умная, красивая, молодая ещё. Всё у тебя впереди. Только не сиди в четырёх стенах — выходи, как говорится, людей посмотри, себя покажи. А горе — оно придёт и уйдёт. А жизнь — она не останавливается, а продолжается.

Дедушка, который молча слушал из своей комнаты, вдруг сказал:

— Правильно Нина говорит. Ты, Олюшка, не закисай. Иди, работай, учись. Да на парней посматривай. Мужчины хорошие есть — не одни Митьки на свете.

Я вышла из подъезда, а бабушкины слова всё звучали у меня в голове. Как хорошо, что они у меня есть, — подумала я. И вообще, как хорошо, что есть люди, которые меня любят.

В апреле случилось событие, которое перевернуло мою обычную и скучную жизнь. В детском саду я услышала разговор:

— Девочки, а на наш завод требуются рабочие. Представляете — зарплата три тысячи рублей! С нашей-то не сравнить — в триста.

— Чё, правда, что ли?

— Правда, мой вчера говорил. Я вот думаю, может, перевестись? Да что-то страшно. Там тяжело, наверное. Просто так же не платят такие деньги.

После обеда я настроилась и позвонила в отдел кадров уточнить подробности. Там работала мамина двоюродная

сестра Галя.

— Да, требуются. Хочешь попробовать — так я поддерживаю. Ты молодая, быстро всё освоишь и вперёд. Девушки нам, такие как ты, работающие, всегда нужны. Так что думай до завтра, решай.

Дома я посоветовалась с родителями.

— Дочка, это уж тебе решать. Ты у нас взрослая уже, мы тебе не советчики, — сказал папа.

— Олечка, может, ещё рановато? Работа-то тяжёлая, с твоим-то здоровьем? — забеспокоилась мама.

— Мама, а тётя Галя сказала, что я справлюсь.

— Ну тогда иди, раз решила. Только учёбу не бросай.

Через неделю меня ждали перемены. Кто бы мог подумать тогда, что они будут такие стремительные и судьбоносные.

— Знакомьтесь, это Ольга Иванова. Будет у нас работать транспортёрщицей, — сказала начальница смены Ольга Сергеевна. Она была женщина видная, рослая и громкая.

На меня смотрели человек пятнадцать не меньше. Я почти никого не знала лично, но многих видела, конечно, — всё-таки на одном предприятии работали, в наш сад своих детей водили.

— Илья, ты будешь её всему учить. Так сказать, будешь её наставником.

— А я и не против, Ольга Сергеевна. Я — за, — весело сказал Илья и мне подмигнул.

Его я сразу узнала. Он учился в нашей школе и был на два

года старше меня. Ещё в школе пытался за мной ухаживать и за косички дёргал, приставал. Но у меня был Митя, и я не замечала никого вокруг.

— Ты мне прекрати свои шуточки. Она девушка серьёзная, в обиду не дам. Головой за неё отвечаешь, понял?

— Слушаюсь! Головой так головой, — ещё веселее сказал Илья, подскочил с места и приставил руку к виску, отдавая честь.

Все рассмеялись.

Весь день он в прямом смысле не отходил от меня. Всё показывал, рассказывал, поил чаем и травил свои бесконечные шутки-прибаутки. Как он все их запоминает, только — подумала я — и смеялась в очередной раз.

Так прошёл мой первый рабочий день на новом месте.

Сейчас, когда я вспоминаю тот день, я улыбаюсь. Если бы кто-то тогда сказал мне, что этот шумный парень с бесконечными шутками станет моим мужем, отцом моих детей, я бы не поверила. Но я помню, как он смеялся и шутил, как подмигивал, как заботливо наливал мне чай. И я помню, как впервые за долгое время почувствовала, что жизнь продолжается. Особенно когда ты думаешь, что всё уже закончилось.

Глава 7. Повороты судьбы.

Новые перемены вселяли в меня уверенность и надежду. Илья так ответственно подошёл к наставничеству, что даже забывал о своей основной работе, помогая мне, а иногда даже делая мою работу.

— Илья, ты чем сегодня занимался? — строго, как всегда, спросила Ольга Сергеевна.

— Олю обучал, вы же мне сами поручили. А я человек ответственный.

— Ответственный ты наш. Не забывай, что ты сегодня должен... — и она перечислила всё, что должен был сделать Илья до конца рабочего дня.

— А как же Оля, Ольга Сергеевна?

— Да я справлюсь, я уже сама могу, разберусь, — весело сказала я и убежала работать.

— Оль, вечером буду ждать на проходной.

— Хорошо.

Вечером я увидела Илью издалека. Он стоял с цветком герани в руке и протянул его, когда я подошла.

— Самой красивой девушке на заводе.

— Спасибо.

— Илья, ты так у нас все цветы переломашь из диспетчерской. Ты мне смотри.

— Да всего один, Ольга Сергеевна.

Мимо проходящие мужики и женщины с нашей смены смеялись и шутили, глядя на нас.

— Я готов.

— К чему? — удивлённо спросила я.

— Как это к чему? Сопровождать такую красивую девушку до самого дома и не только это.

— На что же ещё?

— А это я пока сказать не могу. Секрет.

Мы шли. Илья шутил без остановки. Не знаю почему, но как-то почти сразу он стал называть меня «Солнце моё» и «Золото моё». Странно и непривычно было для меня, но мне нравилось. Мне как-то всё нравилось, что происходило со мной: цветы, красивые слова, забота. С Ильёй было весело и легко. С Митей всё было по-другому, — невольно сравнивала я. — Не так.

Как Митя поживает, интересно? Что у него нового? Скучает или уже забыл? Каждый день перед сном я всё время думала о нём и ждала. Ждала, что он придёт, попросит прощения, осознает, что был не прав, что обидел меня, очень обидел. А я прощу — я всё прощу, потому что люблю, и всё у нас будет хорошо.

Каждую смену мы встречались с Ильёй на работе, а после смены он провожал меня домой. Однажды в ночную смену мы засиделись на кухне, пили чай и болтали обо всём и ни о чём. Илья заливался соловьём, как всегда. Но вдруг замолчал, повернулся и поцеловал меня.

От неожиданности я задохнулась и в какой-то момент попыталась отстраниться, но он обнял меня чуть сильнее, и я сдалась. Голова закружилась, в глазах потемнело от его нежности, от горячих губ, от больших и надёжных рук.

— Любимка моя, — прошептал Илья.

Так продолжалось бы и дальше, но мы услышали, как кто-то открыл дверь и вошёл на кухню. Илья отстранился от меня, а в его глазах я прочитала: ты самая лучшая, Солнце моё.

Я шла домой и не могла прийти в себя. Илья поцеловал меня. Первый поцелуй после Мити. И мне было... хорошо. Но почему тогда на душе так тревожно? Почему я думаю о Мите? Почему представляю, как он входит в дверь, как обнимает меня, как шепчет: «Прости»?

Я остановилась посреди улицы и заплакала. Что я делаю? Кто я? Та девушка, которая любила Митю до самозабвения? Или та, которая уже через два месяца целуется с другим?

Я не знала ответа. Я только знала, что мне было хорошо с Ильёй. Но хорошо — это не значит люблю.

Наши отношения становились крепче, теплее. А вечерами я думала об одном: а вдруг Митя вернётся? А вдруг... Я задумалась. А может, так и сделать — пусть он узнает, что у меня появился Илья? Может, заревнует и одумается? Господи, что за глупости лезут в голову. Надо же такое придумать. Шутки устроила, глупая.

После нашего поцелуя Илья стал проявлять больше инициативы, внимания, делал подарки, приглашал меня к себе в

гости. Да, мне было хорошо с ним, но любила ли я его? Мне казалось, что нет. Я думала, что никого и никогда не смогу полюбить. Или, может быть, для этого нужно время, чтобы забыть Митю?

Однажды вечером у него дома, лёжа в кровати после страстных объятий, он сказал:

— Оль, я без тебя не могу. Выходи за меня замуж.

— Как замуж? Мы ведь знакомы всего два месяца. Да ведь я до сих пор замужем — официально.

— Так тебя только это останавливает? Так это мы решим. Мама моя поможет, у неё знакомая в ЗАГСе работает. Я думаю, проблем не будет.

Илья говорил о свадьбе, а я молчала. В голове крутились мысли: «А как же Митя? А вдруг он вернётся? А вдруг я пожалею?»

— Оль, ты чего такая тихая? — Илья взял меня за руку.

— Я думаю...

— О чём?

— О Мите.

Он помолчал, потом сказал:

— Оль, я понимаю. Но Митя ушёл. Он тебя бросил. А я здесь. Я с тобой. Я люблю тебя. Разве этого мало?

— Мало, — тихо сказала я. — Но, может быть, со временем...

— Со временем ты забудешь. Я помогу. Я сделаю всё, чтобы ты была счастлива.

И я поверила. Потому что мне так хотелось верить. Что меня можно так любить. Что я достойна лучшего и большего, чем было с Митей.

— Ну не знаю, — протянула я, а как же Митя, — подумала почти одновременно.

— Олечка, Солнце моё, я тебя люблю. Всё будет хорошо. Вечером Илья пошёл домой — разговаривать с родителями. Я осталась у себя, сердце колотилось так, что я боялась — соседи услышат.

А в это время на кухне в доме родителей Ильи разворачивался свой спектакль.

— Мам, тут такое дело. Мы с Олей решили пожениться. Людмила Ивановна медленно поставила чашку на стол и посмотрела на сына так, словно он только что сказал, что хочет улететь на Луну.

— Так быстро? — протянула она. — Куда спешишь, сын?
— Мам, не могу я без неё. Понимаешь, люблю я её.
— А она тебя?

Илья замолчал. Это молчание длилось всего секунду, но Людмила Ивановна всё поняла.

— Вот видишь, — тихо сказала она. — Ты сам не уверен. Илья, посмотри на меня. Она же тебя не любит.

— Любит, мам. Просто она сама ещё не до конца понимает...

— Сын, — Людмила Ивановна наклонилась к нему, — она до сих пор первого мужа любит. Ты же сам говорил. Она

по нему плачет, по ночам не спит, ждёт, что он вернётся. А ты хочешь на этом строить семью?

Илья опустил глаза.

— Я ей помогу забыть.

— Поможешь... — Людмила Ивановна покачала головой.

— А кто тебе поможет, если она так и не забудет? А если через год, через два, он вернётся и скажет: «Прости, я был дурак»? Она к нему побежит, Илья. А ты что? С чем останешься?

— Мам, ну не надо так...

— А как надо? Глаза закрыть и делать вид, что всё хорошо? Сын, я тебя люблю. Я не хочу, чтобы тебе было больно. Ты же мой ребёнок. Я вижу, как ты горишь, а она... она просто хочет спрятаться от своей боли. И ты для неё — это укрытие. Понимаешь?

Илья молчал. Потом посмотрел на отца, который тихо сидел в углу с газетой.

— Пап, ты что скажешь?

Николай Петрович медленно сложил газету, снял очки и долго смотрел на сына.

— Ты уже армию отслужил. Мужчина. Сам решения принимаешь. Я тебя не остановлю. Но мать правильно говорит. Подумай, хватит ли у тебя сил. Не сейчас, пока ты влюблён, а потом. Когда пройдёт год, два, пять. Когда она будет смотреть сквозь тебя и видеть другого. Когда будет называть тебя по имени, а думать о нём. Хватит ли тебе сил это вынести?

— Хватит, — тихо, но твёрдо сказал Илья.

— Уверен?

— Уверен, пап.

Николай Петрович посмотрел на жену. Та вздохнула.

— Ну что ж... — сказала она. — Раз ты решил, мы тебя поддержим. Мы же родители. Но ты запомни мои слова, Илья. Если она когда-нибудь захочет уйти — не держи. Не унижайся. Ты достоин того, кто будет любить тебя, а не терпеть рядом с собой.

— Я знаю, мам.

— Вот и ладно. А теперь иди, радуйся. Поговорю я с Валентиной Ивановной, посмотрим, что можно сделать.

— Спасибо, мам.

Илья вышел из кухни, а Людмила Ивановна ещё долго сидела за столом, глядя в свою остывшую чашку. Николай Петрович подошёл, положил ей руку на плечо.

— Не волнуйся, Люда. Может, и наладится у них.

— Может, — тихо сказала она. — А может, и нет.

События закрутились стремительно. Илья прямо как будто торопился жениться, чтобы я не передумала, и ничто не помешало нашей свадьбе.

На следующей неделе стало известно, что можно назначить расторжение брака на конец мая, а через неделю уже и расписаться, и свадьбу сыграть. Когда Илья радостно сообщал мне эти новости, я впала в ступор.

— А что, так можно разве?

— Со мной, Золотце, можно всё. И не только это. Ты просто ещё меня плохо знаешь.

— Надо родителям как-то сказать. Они удивятся, наверное.

В этот же вечер Илья настоял, чтобы мы пошли и всё рассказали моим родителям. Я сомневалась во всём, а главное — в своих чувствах.

— Дядь Петя, тётя Аня, я пришёл просить руки вашей дочери, — чуть не с порога весело и уверенно заявил Илья и начал доставать из пакета всё, что принёс для такого случая: бутылку водки для папы, вино для мамы, колбасу, конфеты, консервы и фрукты.

— Ишь ты, руки просить. Ты слышишь, мать? И что же так торопимся? Ведь всего ничего знакомы-то.

— Оль, сколько знакомы-то?

— Два с половиной месяца, пап.

— О-о-о, два с половиной месяца, а сразу руки?

— А чего тянуть-то, дядь Петя? Я Олечку люблю, жить без неё не могу. Так что думать тут долго и нечего.

— Мать, накрывай на стол, раз такое дело. Оль, а ты что думаешь?

— Не знаю, пап. Я Илье тоже говорю, что не стоит торопиться, а он прёт напролом, никого не слушает и слушать не хочет.

Папа налил рюмки, посмотрел на Илью серьёзно и сказал:

— Слушай сюда, Илья. Дочь мою не обижай. Я не знаю,

как там у вас всё быстро получилось, но ты пойми одно: она у меня уже через многое прошла. Ты её береги. А если оби-дишь — я с тебя спрошу. Понял?

— Понял, дядь Петя. Честное слово.

— То-то. Ну, за молодых, что ли?

Вечер прошёл шумно и весело. С Ильёй по-другому и не получалось. Не умел он тихо, да и не хотел. Чувства его так и переполняли, что он готов был со всем миром делиться. Я это чувствовала.

Илья ушёл уже поздно вечером. Прощались долго — никак не мог нацеловаться у ворот. Довольный и счастливый.

Я легла спать, в очередной раз подумав о Мите. Мама по-дошла и села на кровать.

— Мам, я не знаю, что делать.

— А что тут не знать, Олечка? Ты его любишь?

— Не знаю, мам. Мне с ним хорошо. Но Митю я до сих пор люблю.

— Доченька, послушай меня. Я тебе как мать скажу. Не спеши. Ты ещё молодая, у тебя всё впереди. Может, ты просто хочешь забыть Митю через другого? Это нечестно — ни по отношению к Илье, ни по отношению к себе.

— Но Илья хороший, мам. Он меня любит.

— Я вижу, что любит. Но ты-то его любишь? Подумай, дочка. Хорошо подумай. Потому что если выйдешь замуж, не разлюбив Митю, — будет плохо. И тебе, и ему.

Если бы тогда я услышала маму, наверное, всё сложилось

бы по-другому. Но судьба сама несла меня на всех парусах, а я не сопротивлялась. Мне казалось, что я лечу в счастье.

Сейчас, спустя тридцать лет, я часто думаю о том вечере. О маминых словах, которые я не услышала. О том, как быстро всё закрутилось. И понимаю: жизнь иногда ведёт нас не туда, куда мы хотим. Но, может быть, именно туда, куда нужно.

Глава 8. Наваждение.

За окном по-прежнему лил сильный дождь, бесконечный, как мои воспоминания о Мите. Я укрылась пледом, мне было о чём подумать и что вспомнить.

«Господи, прости меня неразумную за всё, что я делаю. Прости, что я заблудилась и запуталась в своих чувствах. Да, я скучаю по Мите. Помню его руки и губы. Но Илья окружил меня такой заботой, что я впервые за долгое время почувствовала себя любимой и нужной. Мне так нравится чувствовать себя любимой, купаться в его нежности. Я чувствую себя маленькой девочкой, которую оберегают. Я благодарна Илье за то, что он есть, что он дарит мне радость от каждого дня. Иногда мне кажется, что это и есть любовь — когда хочется просто жить ради другого человека. Но так ли это на самом деле?»

Я не знала ответы на эти вопросы. Мысли терзали меня и днём, и ночью. Я сравнивала, сомневалась, не понимала, что мне делать. А дождь тихо меня убаюкивал и отвечал «всё будет хорошо». Я уснула крепким сном.

— Привет, бабуль!

— Привет, моя хорошая, моя дорогая девочка.

— А я мимо шла, думаю, дай зайду. Как вы тут? Как здоровье?

— А кто это тут у нас заглянул на огонёк? — раздался

ГОЛОС ИЗ КОМНАТЫ.

— Привет, дедуль! — поцеловала я его в щёку. — Как ты?

— Да ничего, внуча, помаленьку. Ты-то как? Мне отец твой вчера заезжал, сказал, что замуж ты собралась?

— Ой, дедуль, всё так закрутилось, что и сама не понимаю, что делать. Илья такой хороший, так любит меня...

Бабушка посмотрела на меня и прищурилась:

— А ты-то его любишь, внученька?

— Не знаю, бабуль... Мне с ним хорошо. Но...

— То-то и оно, — вздохнула бабушка. — Слушай, Олюшка. Я тебе как бабушка скажу. Выходить замуж надо тогда, когда любовь взаимная. Когда оба друг друга любят — как мы с твоим дедом. Вот тогда и жизнь в радость, и всё получается. Понимаешь?

— Понимаю, бабуль...

— А если один любит, а другой так — из благодарности, из жалости, потому что хороший человек — это не дело. Намучаешься и сама, и его измучаешь. Ты подумай, внучка: ты его любишь так, как мы с дедом друг друга любим?

— Не знаю, бабуль... Я запуталась...

Дедушка, слушая нас из своего кресла, вдруг сказал:

— Правильно бабушка говорит. Выходить замуж надо по любви — взаимной. А не потому, что «он хороший» или «он любит меня». Любовь — она в обоих сердцах должна быть. Иначе намучаешься.

— Дедуль, а если ждать — он обидится. Он же ждёт от-

вета...

— Пусть подождёт, — твёрдо сказал дедушка. — Настоящая любовь не торопит. Она терпит. А если не терпит — значит, не любовь это, а страсть или привычка.

— Ну, ладно, пойду я. Вы давайте не болейте, скоро пригласительный вам с Илюшей принесём. Ждите.

Я вышла и увидела, как бабушка с дедом стоят у окна — провожают, машут рукой.

— Пока! — помахала и я им.

Вечером Илья рассказал, что днём видел Митю. Я испугалась.

— И что?

— Да ничего. Поговорили.

Я посмотрела и увидела у Ильи синяк под глазом.

— Илюша, что это? Это Митя?

— Встретил я его вчера на улице. Он подошёл весь на взводе, выпил, что ли, я не понял. И говорит: «Я слышал, ты жениться собрался?»

— Да, собрался, — спокойно ответил я.

— А ты знаешь, что она меня не дождалась? Пока я в армии был, она гуляла. И тебя бросит, как только другой подвернётся. Она такая — ей лишь бы внимание мужское.

Илья замолчал, посмотрел на меня. В его глазах я увидела не злость — жалость ко мне. Как будто ему стыдно было это вслух говорить.

— Я ему говорю: «Заткнись. Ты не имеешь права так о

ней говорить». А он: «А ты кто ей? Она моя жена!» Я ему: «Скоро моей будет — это вопрос времени. Мы с Олей через две недели женимся».

— И что он сказал? — тихо спросила я.

— Засмеялся. Так зло засмеялся. Говорит: «Ну-ну, женись. Посмотрим, как долго ты продержишься».

Илья помолчал, потом продолжил:

— Тут я и не сдержался. Я ему в глаз, а потом уж и он мне в ответ. Не скажу, что красиво получилось — оба дрались как пацаны во дворе. Но я ему потом сказал: «Если бы ты её любил — не говорил бы так. Настоящий мужчина за женщину не дерётся, а защищает. А ты за что дрался? За то, что она счастлива без тебя?»

— И что он? — голос мой дрогнул.

— Убежал. А я стою и думаю: вот так он тебя и любил? За спиной называл гулящей? Значит, не любовь это была, Оль.

— Не знаю, Илюша...

Слушая его рассказ, я вдруг осознала, что Илья действительно меня любит по-настоящему. Он за меня и жизнь готов отдать. А Митя... Митя показался мне в этой истории каким-то жалким неудачником. Но тоска легла на сердце, а в голове промелькнуло: «Но Митя же не такой. Неужели он смог так поступить и сказать так обо мне?»

Я подошла к Илье, обняла его. Он обнял меня так нежно, что я поняла: большего в жизни и не нужно. Вот тот мужчина, за которым я буду как за каменной стеной.

— Ну и что за жених такой с фингалом будет?

— Да ерунда, Солнышко. Зато невеста у меня будет самая-самая красивая. Я люблю тебя.

— И я люблю тебя, — впервые я произнесла эти слова Илюше и сама удивилась. Неужели люблю?

Илюша ушёл счастливый. Я вошла в дом. Мама и папа пили чай на кухне.

— Присоединяйся, Олюшка, чаю попьем.

— Айда, доча, покумекаем.

— О чём, пап? — мои глаза светились от счастья.

— Да вот думаем с матерью про свадьбу. Как да что. Вы-то что решили — через две недели свадьба. Мы как-то волнуемся, — неуверенно сказал папа. — Илюха-то говорил, сам всё организует. Так нам вроде неудобно, мы же родители.

— Переживаем, Оль. У тебя же и платья нет. И колец обручальных ещё нет. Неправильно это как-то.

— Мама, вы не переживайте. Раз Илюша сказал — значит, сам всё и решит. А платье... Людмила Ивановна сказала, можно одеть Илюшиной сестры. Оно новое было, один раз только она его надевала на свою свадьбу. Я правда не примеряла, но думаю, подойдёт. Я вообще, если честно, не хочу никакой свадьбы, но Илюша настаивает. Вы же знаете.

— А кольца? — папа растерянно на меня смотрел.

— Ой, а кольцо можно моё одеть. Петенька, ты же не против? — вдруг оживилась мама. — Я же всё равно не ношу, мне оно маловато. А что? Я думаю, подойдёт. Оно красивое.

Я сейчас!

Мама соскочила со стула легко и побежала в комнату.

— Вот смотри, Оль, примерь-ка. — Мама протянула золотое колечко.

— Да нет, мам. А разве чужие кольца можно одевать? Бабушка говорила, что нельзя.

— Ой, доча, так чужое нельзя, а я-то тебе не чужая. Как-никак самая родная. Кто же роднее-то?

Я примерила колечко и полюбовалась, как красиво оно село на пальчик.

— Ох, Ольга, не нравится мне что-то всё это, — папа нахмурился.

— Пап, всё хорошо.

— Не нагнетай, отец, на ночь глядя. Всё наладится, — сказала мама.

На следующий день к нам в гости пришли Илья и его родители — Николай Петрович и Людмила Ивановна. Мои родители встретили их душевно, по-семейному. Поговорили, обсудили всё. Мужики курили да свои мужские беседы вели, а мы, девочки, — свои. Хорошо посидели. Да только словно немой вопрос в воздухе висел: «Кому нужна эта свадьба?». Самый главный вопрос, который никто не посмел задать вслух.

Свадьбу, а вернее торжественный вечер, решили гулять у нас в доме — наш дом был гораздо больше, чем у родителей Ильи. На свадьбу пригласить только самых-самых близких.

Распределили, кто да что покупает. Тут же обсудили меню, да кто что готовит.

— Ну, Людмила, пора и честь знать. В гостях хорошо, а дома — сами знаете. Всё обсудили. Ненадолго прощаемся, скоро увидимся.

— Да, Коля, пора. Засиделись что-то. Зато всё решили. А то всё бегом да бегом. Илюша у нас такой — если что решил, всё, не остановишь.

— Да, Илья у вас мужик, молодец. Хороший муж будет для нашей дочки, — сказал папа, обнимая маму за плечи. — Достойный.

Я легла в кровать, но сон не шёл. В голове крутились мысли о сегодняшнем дне. О Мите, который назвал меня гулящей. Об Илье, который за меня дрался. О бабушкиных словах: «Выходить замуж надо тогда, когда любовь взаимная».

Я посмотрела на кольцо — мамино. Чужое кольцо. Завтра я надену платье — сестры Ильи. Чужое платье. Через две недели я выйду замуж за человека, которого, как мне кажется, люблю. Но почему тогда на душе так тревожно?

Я закрыла глаза, и в эту ночь мне приснился странный сон: я в белом платье стою перед зеркалом. Но платье не моё — оно велико в плечах и узко в талии. Я пытаюсь его поправить, но оно сползает. Я ищу кольцо — мамино, но его нет. На моих пальцах — чужие кольца. Чужие. Чужие. Чужие.

Я проснулась от того, что сердце колотилось так, будто я бежала. За окном уже светало. Я лежала и думала: что озна-

чает этот сон? Почему всё чужое? Почему платье не моё?

Может, потому что и свадьба — не моя? Может, потому что и жених — не мой? Может, потому что и любовь — не моя?

Я не знала ответа. Но чувствовала: что-то идёт не так. Что-то я делаю неправильно. Но было уже поздно что-то менять. Поезд ушёл.

Или нет? Может, ещё можно спрыгнуть на станции?

Сейчас, оглядываясь назад, я на многие вещи смотрю другими глазами. Сейчас я уверена, что принимала решение выйти замуж за Илью разумом, а не сердцем. Сейчас, когда мне сорок девять, я стала другой. Хотя говорят, что люди не меняются, но этого просто не может быть. Я точно знаю — меняются благодаря событиям, людям, пережитым эмоциям и жизненному опыту. Мы становимся сильнее, мудрее, а душа — добрее и чище.

Глава 9. Чужое платье

Рано утром к нам прибежала моя подружка и одноклассница Светка. Светка была весёлой, никогда не унывала и всегда была оптимисткой. В любой ситуации видела только хорошее. Как ей это удавалось, я не знаю, но в трудные жизненные ситуации она была для меня палочкой-выручалочкой.

— Оль, ой, что я узнала! Оль, только не переживай. Оказывается, у Мити твоего девушка есть. Это мне моя мама сказала, а ей сказала мамина соседка, которая дружит с Митиной мамой. Ну, ты поняла?

У меня внутри всё похолодело. Сердце пропустило удар, потом забилося так, что я испугалась — Светка услышит. Руки стали холодными, и я незаметно сжала их под столом, чтобы не дрожали.

Девушка. У Мити девушка.

Эти слова крутились в голове, как заезженная пластинка. Я смотрела на Светку, но не видела её. Перед глазами возник Митя — его улыбка, его руки, его голос. Как он шептал мне на ухо: «Олечка, я тебя люблю». Как он обнимал меня на нашей свадьбе. Как он ел мои сырые беляши и говорил: «Оля, а я бы и такие ел, честное слово».

А теперь — девушка.

— Ну и что. Мне-то что, Свет? — сказала я и удивилась собственному голосу. Он был спокойным. Слишком спокой-

НЫМ.

— Как это что? — Светка посмотрела на меня с сомнением. — А затем, чтобы ты себя не винила, что семья рушится. Это ведь он сам всё и придумал, вместе со своей мамой. Она сейчас у них, приехала. Митю ждёт в увольнительное в субботу.

— В субботу, говоришь? — я посмотрела на Свету. Этого не может быть. Или может.

Я посмотрела на мамино колечко на руке. Золотое, тоненькое. Чужое. Завтра я его надену — обручальное. И стану Илюшиной женой. Навсегда.

А Митя... Митя пусть живёт. Пусть будет счастлив.

— Да в субботу. Но ты не расстраивайся, поняла? Вот пусть с ней и живёт, раз так хочет. Сам тебе в этой учебке изменял, а тебя виноватой сделал. Гад он твой Митька, вот и всё.

Я молчала. Внутри было пусто. Как будто кто-то вынул оттуда всё — и боль, и любовь, и надежду. Осталась только тишина.

Значит, всё кончено. По-настоящему кончено. Он не вернётся. Не попросит прощения. Не скажет: «Оля, прости, я был дурак».

Пусть с ней и живёт. Гад он мой Митька.

И вдруг стало легче. Как будто с плеч упал тяжёлый камень. Я носила в себе столько месяцев — надежду, что Митя вернётся. А теперь — всё. Он нашёл другую. Значит, я

должна отпустить.

— Ой, Свет, давай не будем о нём. Что уж теперь говорить-то? — сказала я и улыбнулась. На этот раз — по-настоящему.

— Оля, а ты платье-то примерила? Давай примерим прямо сейчас. Ну давай, Оль!

— А ты, Свет, себе платье подобрала? Свидетельница-то тоже должна быть красивая.

Мы пошли в комнату. Я достала платье из шкафа — его мне Илья принёс ещё три дня назад, а я до сих пор не надевала. Вдруг что не так? Света помогала, как могла, но по мне так только создавала видимость: трещала о своём и задавала глупые вопросы.

— Оль, а фата будет? Или ты без фаты пойдёшь?

— Не знаю, Свет. Илья не говорил.

— А букет будет?

— Наверное, Свет.

— А туфли какие? Белые?

— Свет, я ещё не думала.

— А причёску кто делать будет? Или сама будешь?

— Свет, ты же парикмахер. Сама и сделаешь.

— Ой, точно! Конечно, я тебя причешу. И макияж тоже сама сделаю. Ты же знаешь, я в этом разбираюсь.

— Знаю, Свет. Поэтому и не переживаю.

Я надела платье и посмотрела в зеркало. Себя не узнала. Я помню, какой прекрасной невестой я была на свадьбе с

Митей. Сердце сжалось. Наваждение какое-то, — подумала я.

— Ой, Оль! Да оно же тебе великовато. Надо же что-то делать. Ты что сидишь-то? Свадьба же через три дня. Ну ты даёшь, Оля!

— Тётя Аня! — крикнула Светка во всё горло, чем испугала меня. — Ну посмотрите на эту невесту! Свадьба через три дня, а у неё платье-то не готово!

— Ой, и правда, доченька. Ну-ка, давайте-ка прямо сейчас и займёмся этим. Я сейчас только пирожки доделаю, — сказала мама и вышла из комнаты.

— Оль, на тебя же смотреть страшно. Ты знаешь, что невесты не так должны выглядеть? Ты пойми, подруга, тебе же так с Илюхой повезло. За ним полпосёлка бегают, а он тебя выбрал. Так что не печалься, подружка, всё будет хорошо, — и весело мне подмигнула.

— Да я и не печалюсь, Света. Просто сон сегодня какой-то странный видела, вот и загрустила немного, — я поправила волосы.

Пришла мама, и мы вместе стали заниматься подгонкой платья. Его нужно было укоротить, ушить в талии, подогнать корсет и укоротить рукава. Мама хорошо умела шить. У нас была швейная машинка — папа ей когда-то на юбилей подарил. Так что мама принялась за дело, а мы со Светой пошли в магазин со списком, который нам мама вручила: салфетки, солонки, скатерти, шары воздушные и прочее.

В пятницу вечером пришёл Илья со своим другом и нашим свидетелем Андреем, с которым служил в армии и учился в одном классе. Они помогли нам с вечера расставить столы и скамейки в зале, накрыть скатерти, украсить зал шабрами.

Мама на кухне со своими сёстрами — моими тётями — что-то готовили, обсуждали и смеялись. Папа с их мужьями наводили порядок под навесом, украсили стены берёзовыми ветками, чтобы красиво было.

— Оля, Илюша, идите, посмотрите, как мы тут подготовили танцплощадку-то! — позвал папа.

— Ой, пап, как здорово! Мне нравится. А тебе, Илюша?

— И мне, Оль. Мне всё нравится, что тебе нравится, — и нежно обнял и поцеловал меня в щёчку.

Вечером все разошлись по домам. Илюша уехал к себе — завтра утром должен был приехать за мной.

За весь день я так устала, что еле добралась до кровати. Ноги гудели, спина ныла — разговоры, магазин, подгонка платья, шары, скатерти... Я даже не успела переодеться, только скинула тапочки и упала на подушку.

И только перед самым сном промелькнули Светкины слова: у Мити девушка. Она ждёт его в субботу. Гад он твой Митька, вот и всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.